

АДОЛЬФЪ ИВАНОВИЧЪ ДОБРЯНСКІЙ-САЧУРОВЪ

Третій періодъ жизни: 1882—1901 гг.

(Время самой плодотворной литературной дѣятельности).

Переѣхавъ въ Вѣну, Адольфъ Ивановичъ поселился въ небольшой квартирѣ и жилъ на очень скромныя средства, такъ какъ значительную часть своей пенсіи посылалъ въ Чертежное женѣ, которая управляла имѣніемъ.

Образъ жизни вождя угро-русовъ отличался большой простотой. Вставалъ онъ рано и, принявъ холодную ванну, бралъ полученныя газеты, которыя прочитывалъ, идя въ кофейню. Тутъ онъ принималъ въ качествѣ лѣчебнаго средства нѣсколько стакановъ воды и, продолжая читать газеты, выпивалъ чашку кофе съ небольшою булкой. Послѣ этого снова пилъ воду, дочитывалъ газеты и отправлялся домой. Закуривъ трубку, онъ садился за письменный столъ и занимался до самаго обѣда. Случалось иногда и такъ, что за работой забывалъ совсѣмъ объ обѣдѣ, который всегда былъ очень скромный и никогда не состоялъ больше чѣмъ изъ двухъ блюдъ. За обѣдомъ въ ресторанахъ онъ встрѣчался со своими знакомыми, которые совершали съ нимъ обычную послѣобѣденную прогулку. Какая бы ни стояла погода, Адольфъ Ивановичъ обходилъ быстрою походкою по Рингштрассе два раза всю внутреннюю часть Вѣны. Послѣ такой прогулки онъ возвращался домой, гдѣ и занимался до поздней ночи, а иногда и до разсвѣта. Такъ проходили у него всѣ будни. Въ праздники его жизнь принимала другой характеръ. Не заходя въ кофейню и не принимая никакой пищи, онъ отправлялся къ 8-ми час. утра въ греческую православную церковь, прослушавъ тамъ утреню, шелъ въ униатскую церковь и оставался здѣсь до конца богослуженія, а затѣмъ спѣшилъ къ обѣднѣ въ русскую православную церковь. Придя домой, Адольфъ

Ивановичъ посвящалъ весь день отдыху отъ недѣльнаго напряженнаго труда.

Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ долженъ былъ жертвовать однимъ, много двумя вечерами въ недѣлю и отправляться къ знакомымъ, гдѣ собирався за стаканомъ чая тѣсный кружокъ вѣнскихъ славянъ. ожидавшихъ всегда съ нетерпѣніемъ его прихода. Адольфъ Ивановичъ являлся всегда точно въ назначенное время и сразу вносилъ съ собою веселость и бодрое настроеніе. И о чемъ тогда не говорилось! О Руси и славянствѣ, объ искусствѣ и литературѣ, о религіи и наукахъ, о вѣчныхъ вопросахъ человѣческаго существованія и о современныхъ злобахъ дня! Всегда далеко за полночь продолжалась такая дружеская бесѣда, и неохотно расходились ея участники.

Въ собраніяхъ русской и славянской молодежи Адольфъ Ивановичъ бывалъ рѣдко, такъ какъ не хотѣлъ своимъ посѣщеніемъ давать повода къ разнаго рода гоненіямъ или подозрѣніямъ. Однако, былъ одинъ день въ году, именно 6-е Декабря (день его рожденія), который онъ проводилъ всегда среди молодежи. Въ чествованіи Адольфа Ивановаича принимало живое участіе и старшее поколѣніе, и не только живущіе въ Вѣнѣ, но и за границей, присылали свои поздравленія и пожеланія.

Особенно торжественно былъ отпразднованъ день рожденія Адольфа Ивановича 6 / 18 Декабря 1886 года. Утромъ къ нему явилась съ поздравленіемъ депутація отъ вѣнскаго чешскаго политическаго Общества „Еднота“. а въ полдень—отъ вѣнской славянской молодежи, которая поднесла юбиляру адресъ слѣдующаго содержанія:

„Адресъ славянской студенческой молодежи въ Вѣнѣ великому ея учителю Адольфу Ивановичу Сачурову-Добрянскому въ день его рожденія 6-го Декабря 1886 года въ знакъ признательности и преданности.

„Милостивый Государь,

„Глубокоуважаемый Адольфъ Ивановичъ!

„Съ нетерпѣніемъ ожидался Славянскою студенческою молодежью день Вашего рожденія и радостно привѣтствуя его, она имъ пользуется, чтобы Вамъ, глубокоуважаемый Несторъ славянскаго возрожденія, преподнести въ даръ свои чувства глубокой признательности и искренней преданности.

„Неусыпная Ваша дѣятельность, не ищущая громкости, извѣстности и признательности, но полная самоотверженія и самопожертвованія, служила пятьдесятъ слѣдующимъ указаніемъ и руководствомъ для Вашихъ сподвижниковъ, лучшихъ сыновъ всѣхъ славянскихъ племенъ.

„Вашъ глубокій умъ, Ваши всеобъемлющія знанія, Ваши неистощимыя силы, Вашъ непоколебимый патріотизмъ и безграничная преданность славянскому дѣлу. Ваша незыблемая вѣра и при всемъ этомъ неподражаемая простота встрѣчаютъ не у одной только славянской молодежи радостное удивленіе и вызываютъ повсемѣстно въ славянствѣ уваженіе, преданность и любовь къ Вамъ и воодушевленіе для общаго всѣмъ намъ славянскаго дѣла.

„Если же Вы въ этотъ важный въ Вашей жизни день припомните себѣ всю Вашу дотеперешнюю дѣятельность и посмотрите на сумную картину, представляемую сегодня Славянствомъ, не унывайте и не думайте, что голосъ Вашъ остался голосомъ вопіющаго въ пустынь.

„Нѣтъ, великій нашъ учитель! Мы, представители всѣхъ славянскихъ племенъ, Русскіе, Сербы и Хорваты, Чехи и Словаки, Болгары и Словенцы, мы Славянская молодежь, готовая пожертвовать всѣ свои силы и способности добру и преуспѣванію славянства, исповѣдуемъ съ Вами и за Вами:

„Есть лишь одинъ, болѣе чѣмъ 100-милліонный, славянскій народъ и представляетъ онъ собою отдѣльный и самостоятельный славянскій міръ. Мы желаемъ съ Вами его объединенія и единства и готовы вездѣ и всегда содѣйствовать достиженію этой цѣли. Славянскій народъ живетъ своей собственной жизнью и имѣетъ свою самостоятельную, болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю культуру. Если же, по неимѣнію свободы, отдѣльныя славянскія племена болѣе или менѣе отторгнуты исконными врагами Славянства отъ своей славянской культуры, и выброшена имъ чужая, западная, то считаемъ это явленіе только временнымъ и преходящимъ, и конецъ ему предвидится въ скоромъ будущемъ.

„Соединятся опять всѣ Славяне въ своей славянской народной святой православной церкви, завѣщанной имъ Равноапостольными Святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, Просвѣтителями Славянъ. Бросятъ также западные Славяне чуждое германско-романское письмо и воз-

вратятся къ своей народной славянской азбуцѣ, данной славянамъ святыми славянами Апостолами.

„Всѣ мы высоко держимъ знамя высокообразованнаго нашего старославянскаго языка и, считая его общимъ нашимъ достояніемъ, завѣщаннымъ намъ предками нашими, мы вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ имѣть общимъ одинъ живой славянскій языкъ.

„По Вашимъ указаніямъ и подъ Вашимъ предводительствомъ, маститый нашъ вождь, мы достигнемъ цѣли—совершеннаго единства славянскаго народа, его полной свободы, для другихъ народовъ недостижимаго и враговъ нашихъ устрашающаго величія, съ Вами мы доживемъ до того, что славянскій народъ займетъ въ мірѣ первенствующее положеніе, *возродитъ человечество и поведетъ его по пути развитія и совершенства!*

„Такъ пусть же будетъ для Васъ утѣшеніемъ въ тяжелое время, переживаемое теперь славянствомъ, и наградою за Ваши многолѣтніе, неусыпные труды, что сѣмена, засѣянные Вами всходятъ повсемѣстно, приносятъ уже роскошные плоды, и что Вы имѣете многихъ послѣдователей, и воскликните съ нами многозначительныя слова чудной нашей церковной пѣсни:

«**Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покарайтеся, яко съ нами Богъ».**

(Слѣдуютъ подписи: 40 русскихъ, 7 болгаръ, 26 сербовъ, 14 словаковъ, 23 хорвата, 24 словенца и 66 чеховъ. *Всего 200 подписей*).

Вечеромъ въ честь А. И. Добрянскаго-Сачурова былъ устроенъ торжественный ужинъ, на которомъ произнесли рѣчи представители русскихъ, чеховъ, словаковъ, хорватовъ, словенцевъ, сербовъ и болгаръ. Въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія Адольфъ Ивановичъ, коснувшись положенія славянства, высказалъ надежду на лучшее будущее великаго племени, если только оно будетъ неуклонно развивать свою культуру: ибо спасеніе славянства не въ политикѣ, а въ просвѣщеніи и истинно-христіанской любви. Адольфъ Ивановичъ получилъ также много письменныхъ и телеграфныхъ привѣтствій со всѣхъ концовъ славянскаго міра (кромѣ, конечно, поляковъ). Болѣе всего телеграммъ было отъ австрійскихъ сербовъ (между прочимъ отъ всѣхъ сербскихъ членовъ

далматинскаго сейма). Большинство славянскихъ поврежденныхъ изданій помѣстили объ А. И. Добрянскомъ-Сачуровѣ сочувственныя статьи.

Принятый Адольфомъ Ивановичемъ порядокъ жизни часто нарушали прїѣзжіе славяне, которые не могли отказать себѣ въ томъ, чтобы не повидаться и не побесѣдовать съ славянскимъ „Несторомъ“ или „патріархомъ“, какъ называли А. И. Добрянскаго-Сачурова. Одинъ видный русскій ученый, не заставъ Адольфа Ивановича дома, по этому поводу сказалъ: „славянину быть въ Вѣнѣ и не говорить съ А. И. Добрянскимъ то же, что католику быть въ Римѣ и не видѣть папу“.

Въ бытность въ Вѣнѣ, Адольфъ Ивановичъ содѣйствовалъ основанію такихъ общеславянскихъ органовъ, какъ „Парламентеръ“, „Велеградъ“ и „Славянскій Свѣтъ“. Въ первомъ изъ нихъ А. И. Добрянскому-Сачурову принадлежала большая часть самыхъ важныхъ статей, а также многія мелкія замѣтки, часто появлявшіяся безъ всякой подписи.

Благодаря А. И. Добрянскому-Сачурову была также учреждена въ Вѣнѣ община православныхъ чеховъ, положившая начало кирилло-меоодіевскому движенію среди чешскаго народа. Живя въ Вѣнѣ, Адольфъ Ивановичъ большую часть своего времени посвящалъ литературнымъ трудамъ. За эти годы (1882—1887) имъ были напечатаны слѣдующія важныя сочиненія: „Апелляція И. Г. Наумовича“ (1883 г.), „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“ (1885 г.), „Наименованіе австро-угорскихъ русскихъ“ („Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen“, 1885 г.), „Матеріалы для памятной записи галицкихъ русскихъ“ („Material zur Denkschrift der galizischen Russen“, 1885 г.), „Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“ („Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich“, 1885 г.), „Въ день праздника св. великомученика Димитрія“ („Am Festtage des heiligen Grossmättyrers Dimitrij“, 1886 г.) и „Разъясненію и истинѣ“ („Der Aufklärung und der Wahrheit“, 1887 г.).

Разсмотримъ основную мысль и содержаніе каждаго изъ этихъ сочиненій.

Однимъ изъ послѣдствій Львовскаго процесса было отлученіе отъ церкви свящ. И. Г. Наумовича, обвиненнаго въ „схизмѣ“. т.-е. провер-

женности къ православію. Всегда чутко относившійся къ страданіямъ поборниковъ русской церкви и народности, А. И. Добрянскій-Сачуровъ и на этотъ разъ оказалъ нравственную поддержку И. Г. Наумовичу и составилъ для него апелляцію къ папѣ, въ которой вопросъ былъ поставленъ такъ широко, что тяжущимися сторонами являются уже не отлученный отъ церкви скалатскій священникъ и лишенный кафедры львовскій митрополитъ, а весь вѣрный кпринло-меоодіевскимъ преданіямъ галицко-русскій народъ и стремящіеся олатинить и ополячить его польскіе паны, ксендзы и монахи.

Эта „Апелляція“, составленная и поданная папѣ на латинскомъ языкѣ, была затѣмъ издана въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: *„Апелляція къ папѣ Льву XIII русскаго униатскаго священника мьстечка Скалатъ (львовской митрополіи въ Галиціи) Іоанна Наумовича противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ. 1883 года. (Переводъ съ литинскаго языка“).*

Указавъ на вызванную отсутствіемъ собора необходимость апеллировать прямо къ папѣ, какъ патріарху, и на полезную для церкви и народа дѣятельность И. Г. Наумовича, Адольфъ Ивановичъ разбираетъ далѣе (стр. 8—37) допускаемыя въ галицко-русской церкви уклоненія отъ восточнаго обряда и другія злоупотребленія, и крайнему ея упадку противопоставляетъ цвѣтущее состояніе церквей православныхъ.

Говоря о дѣлѣ И. Г. Наумовича, авторъ „Апелляціи“ доказываетъ полную несостоятельность какъ по формѣ, такъ и по существу митрополичьяго приговора (стр. 38—68), вызваннаго желаніемъ свалить отвѣтственность за переходъ Гниличекъ въ православіе, съ постоянно нарушающихъ главное условіе уніи—чистоту восточнаго обряда, церковныхъ властей, на его поборника И. Г. Наумовича. Въ заключеніе Адольфъ Ивановичъ отъ имени И. Г. Наумовича проситъ папу „отмѣнить этотъ приговоръ и возстановить меня въ прежнемъ моемъ званіи“ (стр. 69) и бросаетъ еще одинъ взглядъ на печальныя послѣдствія уніи: „Благодаря ухищреніямъ нашихъ враговъ,.. разстроены у насъ порядокъ въ божественныхъ службахъ, перепутаны обязанности, названія и самыя даже права власти епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, ослаблена церковная дисциплина,.. уничтожены соборы епархіальные, областные, во всемъ господствуетъ хаотическій беспорядокъ, вслѣдствіе чего мы утратили всякое вліяніе на дѣла собственной церкви и даже всякую надежду на возрожденіе. Мало того, мы на опытѣ

убѣдились, что намъ, считающимся словно рабами, не можетъ дать помощи даже покровительство св. апостольскаго римскаго престола...

„При такомъ положеніи дѣль никто..., вѣроятно, не удивлялся бы. если бы русскіе уніаты, не безъ основанія приписывающіе догматической уніи угрожающую опасность лишиться установленій церкви греческой и потерять, сверхъ того, свою національность, для предотвращенія такой, угрожающей имъ нравственной смерти, бросили самую унію, давно уже возвратились въ лоно греко-восточной церкви“ (стр. 69—70).

Кончается „Апелляція“ указаніемъ на опасное для церкви распространеніе пантеизма и матеріализма, на фарисейство латинскихъ монаховъ и, наконецъ, на необходимость христіанской любви, которая „подастъ ее (побѣду), безъ сомнѣнія, и церкви Христовой противъ сильнѣйшихъ враговъ ея, прекратитъ несогласіе, длѣющееся 800 лѣтъ между Востокомъ и Западомъ, и на мѣсто его возстановитъ прочное единеніе церквей и непоколебимое согласіе между вѣрующими“ (стр. 72).

Вынужденная разлука съ родиною не порвала крѣпкой нравственной связи А. И. Добрянскаго-Сачурова съ его земляками, которые по прежнему спрашивали его совѣта во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Къ нему же обращались съ вопросами о положеніи русскаго народа въ Австро-Угріи и публицисты изъ Россіи. Одинъ изъ нихъ, П. Ф. Левдикъ издалъ въ Москвѣ въ 1885 году составленный А. И. Добрянскимъ-Сачуровымъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ меморандумъ „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“ (Москва, 1885 г. стр. 52). Большая часть этого сочиненія была первоначально напечатана въ газетѣ „Новый Проломъ“ (Львовъ, 1884 г., №№ 157—167, подъ заглавіемъ „*Наши дѣла*“). Этотъ меморандумъ составленъ въ видѣ отвѣтовъ на полученныя Адольфомъ Ивановичемъ письма галицко-русскихъ патриотовъ о задачахъ русской печати въ Австріи.

Особенно подробно разбираетъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ русско-чешскія отношенія (стр. 9—27), причемъ высказывается за замѣну дуализма и автономіи областей умѣренной (т. е. не исключающею сильной центральной власти) автономіею народностей: если же почему-либо не удастся ея достигнуть, такъ лучше ужъ вернуться къ государственной централизаци. Особенно интересна мѣткая характеристика различнаго положенія народовъ Австро-Угріи, которые Адольфъ Ивановичъ дѣлитъ на шесть разрядовъ: 1) „народы, не только свободно

развивающіеся, но и безусловно господствующіе надъ другими и вообще вліяющіе на судьбы государства“ (стр. 15)—мадьяры и поляки; 2) „народы, не господствующіе надъ другими, но пользующіеся достаточнымъ просторомъ для своего всесторонняго развитія и вліяющіе... болѣе или менѣе на судьбы государства“ (стр. 10)—нѣмцы, чехи, словенцы и итальянцы; 3) „хорватскій народъ, свободно развивающійся въ земляхъ хорватской и славонской, но не вліяющій на судьбы государства“ (стр. 16); 4) „народъ румынскій, у котораго нѣтъ достаточнаго простора для своего развитія, такъ какъ масса его подчинена неограниченному господству инородцевъ. Но есть по крайней мѣрѣ маленькій уголокъ (Буковина), гдѣ частица его дышетъ свободно; да,—не прочь даже отъ пріобрѣтенія нѣкотораго рода господства надъ кореннымъ русскимъ населеніемъ, превышающимъ и численно румынское“ (стр. 17); 5) „сербскій народъ, хотя не располагающій въ предѣлахъ монархіи ни малѣйшимъ уголкомъ. въ которомъ было бы ему возможно развиваться или по крайней мѣрѣ свободно дышать, но который, однако, по счастью не разнясь въ языкѣ съ хорватами, можетъ безпрепятственно употреблять свой языкъ въ хорватской, славонской и далматинской земляхъ“ (стр. 17) и 6) русскіе и словаки, „у которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго клочка земли, въ которомъ они могли бы свободно дышать, или хоть по крайней мѣрѣ безпрепятственно употреблять свой языкъ,—словомъ. нѣтъ уголка, въ которомъ они могли бы чувствовать себя дома“ (стр. 17). Различіе въ положеніи австро-угорскихъ народовъ опредѣляется степенью ихъ вѣрности престолу и отечеству: мадьяры и поляки награждаются за свои постоянные мятежи, а австро-угорскіе русскіе и угорскіе нѣмцы, словаки, хорваты, сербы, румыны „страдаютъ лишь за свою вѣрность, обнаруженную въ польско-мадьярскихъ бунтахъ“ (стр. 38). Интересны также тѣ мѣста, гдѣ Адольфъ Ивановичъ совѣтуетъ своимъ землякамъ не ждать помощи отъ Рима, всегда наказывавшаго русскій народъ за вѣрность ему, и вообще отъ „черезчуръ уже гордаго, но тѣмъ не менѣе отживающаго уже свой вѣкъ дряхлаго Запада“ (стр. 36). а также не впадать въ отчаяніе и не содѣйствовать, а, по возможности, противоодѣйствовать начавшемуся уже массовому переселенію въ Америку, которое можетъ привести къ тому, что „вся австро-угорская Русь... перестанетъ существовать“ (стр. 44). Кончается разбираемый меморандумъ указаніемъ на создаваемую всѣми русскими людьми въ Галичинѣ необходимость созыва областного собора галицко-русской церкви.

„Въ виду того,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—что главное препятствіе нашего народнаго развитія и нашего какъ духовнаго,

такъ и матерьяльнаго благостоянія кроется въ неограниченной опеке иноплеменниковъ, которой подчиненъ нашъ народъ, вопреки всѣмъ положительнымъ основнымъ законамъ государства, во всѣхъ безусловно направленіяхъ, то, слѣдовательно, опеку эту необходимо прекратить, и прекратить во-первыхъ въ дѣлахъ церкви, такъ какъ она угрожаетъ тутъ исчезновеніемъ нашей святыни, съ которой неразрывными узами связана вся наша народная жизнь, которая, слѣдовательно, болѣе всего лежитъ на сердцѣ всякаго изъ насъ, какаго бы онъ ни былъ политическаго направленія, и что этого прекращенія опеки въ дѣлахъ церкви возможно достигнуть только путемъ воссоединенія нашей церкви съ православной, греко-восточной, въ униі же лишь въ крайности, при строгомъ наблюденіи не подлежащихъ перемѣнѣ постановленій флорентинскаго собора, слѣдовательно возстановленіемъ всѣхъ достохвальныхъ установленій восточной церкви; въ виду всего этого, патриоты наши считаютъ необходимымъ:

1) „Созвать къ предварительному совѣщанію изъ галицкихъ, буковинскихъ и вѣнскихъ униатовъ русской народности, по крайней мѣрѣ по шести лицъ духовнаго и мірскаго званія, которыя приобрѣли довѣріе народа, отличившись знаніями, ревностью и самостоятельностью;

2) „приготовить на этомъ предварительномъ собраніи матерьялъ касающійся церковной администраціи, преимущественно же утвержденные правительствомъ статуты церковей сербской и православной румынской въ предѣлахъ Угорщины и предложенный римско-католическою церковью Угорщины проектъ такого же статута церковной автономіи: разобрать созваніе собора и рѣшить всѣ относящіяся къ нему вопросы“ (стр. 46—47). Перечисливъ эти вопросы, авторъ высказывается за то, чтобы:

4) „Созвать, согласно съ рѣшеніями помянутаго предварительнаго собранія, областной соборъ, что принадлежитъ къ правамъ и обязанностямъ митрополита или, при отсутствіи его, старшаго по чину архіерея области“ (стр. 48).

Далѣе Адольфъ Ивановичъ въ 21 пунктѣ перечисляетъ постановленія, которыя долженъ бы принять соборъ для „полнаго возстановленія учрежденій восточной церкви, значить, нашего обряда, во всей его первоначальной чистотѣ, а вмѣстѣ и улучшенія матерьяльнаго благостоянія священства“ (стр. 48).

Но достиженіе связанныхъ съ созывомъ собора цѣлей „возможно лишь при сосредоточеніи всѣхъ нашихъ напряженныхъ силъ пока исключительно на разрѣшеніи этого „церковнаго вопроса“, болѣе важнаго въ настоящее время, чѣмъ какая бы то ни было политическая дѣятельность“ (стр. 51). Но если духовенство, особенно члены образованной по этому вопросу комиссіи, не исполнять всенароднаго желанія, — „мы будемъ *обязаны* прибѣгнуть къ разбирательству церковнаго вопроса... въ газетахъ, въ брошюрахъ, въ „Русской Радѣ“, въ народныхъ даже собраніяхъ и на вѣчахъ“ (стр. 51). Это, можетъ быть, подѣйствуетъ даже на Вѣну и Римъ. А въ противномъ случаѣ „мы не будемъ виноваты, если весь народъ нашъ послѣдуетъ примѣру двѣнадцати милліоновъ своихъ братьевъ, чтобы въ воссоединеніи съ православіемъ найти вѣчный и прочный путь къ своему спасенію...“ (стр. 52). Эта книга въ Австріи запрещена.

Вопроса о наименованіи русскаго населенія Австро-Угріи, которое въ XIX в. по политическимъ соображеніямъ стали официально называть „рутенскимъ“. Адольфъ Ивановичъ касался еще въ началѣ 1860-хъ годовъ въ статьѣ, напечатанной въ издававшейся Ткалцемъ на нѣмецкомъ языкѣ газетѣ „Zukunft“, гдѣ была между прочимъ высказана теорія А. И. Добрянскаго-Сачурова о происхожденіи латинскаго слова „Ruthenus“ (русскій). Съ 1870-хъ и особенно 1880-хъ гг. вопросъ этотъ еще болѣе обострился, такъ какъ поляки въ своихъ интересахъ создали украинomanскую партію, а самыхъ видныхъ русскихъ патріотовъ въ Галичинѣ не постыдились обвинить въ государственной измѣнѣ. Кромѣ искусственныхъ терминовъ „рутенскій“ и „русинскій“, стали употреблять еще болѣе комичныя въ примѣненіи къ Червонной Руси, никогда не входившей въ составъ Украины, выраженія „украинскій“ и „украинско-русскій“.

Это заставило А. И. Добрянскаго-Сачурова выступить въ центральномъ органѣ австро-угорскихъ славянъ — „*Парламентеръ*“ (1885 г., № 7 и отд. оттискъ, Вѣна, 1885, стр. 23) со статьёю „*Наименованіе австро-угорскихъ русскихъ*“ („*Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen*“).

Въ началѣ статьи (стр. 3) авторъ объясняетъ, что о 3¹/₂ милліонномъ русскомъ населеніи Австро-Угріи правящіе ея круги знаютъ очень мало, такъ какъ оно имѣетъ въ рейхсратѣ всего трехъ представителей, а въ палатѣ господъ — ни одного. Не удивительно поэтому, что и въ наименованіи этого народа царитъ большая путаница. Выяснить эту сторону дѣла и является задачей статьи.

Далѣ (стр. 4—8) Адольфъ Ивановичъ указываетъ на то, что употребительное въ старину и сохранившееся въ Галичинѣ названіе „русинъ“ (какъ „болгаринъ“, „сербинъ“) имѣетъ смыслъ лишь въ единственномъ числѣ; что греки могли передавать русское „с“ черезъ „Ѱ“, „и“ черезъ „η“, а все слово „русинъ“ черезъ Ρουδηνος; что множ. число подревне-русски было „Русь“, по-греч. „οἱ Ρῶς“, а русская земля — „Русь“, „Ρωσία“; что по-латыни греч. „Ρουδηνος“ было передано черезъ „Ruthenus“, рядомъ съ которымъ впрочемъ всегда употреблялось и правильное „Russus“ (иногда „Russus seu Ruthenus“), а „Русь“ — „Ρωσία“ черезъ „Russia“, но ошибка была допущена во множ. ч., гдѣ стали употреблять выраженіе „Rutheni“ (рядомъ съ „Russi“); что, впрочемъ, термины „Ruthenus“, „Rutheni“, „Russus“, „Russia“ всегда употреблялись безразлично въ примѣненіи ко всѣмъ вѣтвямъ русскаго народа. Всѣ эти свои положенія авторъ подтверждаетъ примѣрами.

Переходя отъ исторіи къ современному положенію дѣла, А. И. Добрянскій-Сачуровъ констатируетъ, что всѣ русскіе люди Австро-Угріи и Россіи называютъ себя въ муж. родѣ „русинъ, руснакъ“ или „русскій“, въ ж. р. только „руска“, и каждый изъ нихъ „утверждаетъ, что говорить „по-русски“, нисколько даже не подозрѣвая того—если его этому не учили въ школѣ,—что филологи и этнографы стараются различать другъ отъ друга велико, мало, бѣло, червоно и черно-руссовъ“ (стр. 9). Народъ различаетъ нарѣчія по старымъ городамъ: „москали“ или „москвичи“, „новгородцы“, „галичане“ и т. д. Русскіе говоры Австро-Угріи авторъ дѣлитъ на двѣ группы: а) лемковскіе (лемки—оставшіеся русскими потомки бѣлохорватовъ. ⁹/₁₀ которыхъ омадьярилось, ословачилось или ополячилось) и б) бойковскіе съ гупульскими, подолянскими и долишнянскими (все это потомки бѣлосербовъ). Указавъ на то, что и лемки, и бойки одинаково называютъ свой языкъ, даже духовенство и церковь—„русскими“, что таковыми ихъ считаютъ и ихъ сосѣди—словаки, поляки, мадьяры („*orosz*“,—введенное недавно официальное „*ruthén*“ непопулярно среди мадьяръ) и вѣмцы („*Russnak*“ у нихъ употребляется лишь въ уничижительномъ смыслѣ, какъ „*Polaken*“ вмѣсто „*Polen*“), что „русскими“ называютъ галичанъ и австрійскіе официальныя документы XVIII в., и многіе серьезные ученые съ Шафарикомъ во главѣ, что до 1810 г. во Львовскомъ университетѣ читались на русскомъ языкѣ даже лекціи, а послѣ этого года читавшіе ихъ профессора продолжали свою дѣятельность въ Россіи.—А. И. Добрянскій-Сачуровъ переходитъ къ разсмотрѣнію взглядовъ по данному вопросу извѣстнаго проф. Бидермана (автора двухтомнаго капитальнаго труда „*Die ungarischen Ruthenen*“—„Угорскіе рутены“, Иннсбрукъ;

1862—67 гг.), который хотя и признаетъ русскихъ Австро-Угрии настоящими русскими, но совѣтуетъ имъ называть себя „рутенами“ въ отличіе отъ великорусовъ—обрусѣлыхъ финновъ, татаръ и монголовъ. Указавъ на то, что подобное переименованіе „противно происхожденію, чувству и совѣсти народныхъ массъ“, Адольфъ Ивановичъ такимъ образомъ доказываетъ несостоятельность единственнаго аргумента, приводимаго Бидерманомъ:

„Ассимиляція ляхскихъ, т. е. польскихъ, затѣмъ финскихъ и татарскихъ, отчасти даже монгольскихъ племенъ восточными русскими, которыхъ въ новое время произвольно называютъ великоруссами, такъ же само подтверждается исторіею. какъ поглощеніе литовцевъ, печенѣговъ, хозаръ, половцевъ или кумановъ западными русскими, которыхъ теперь называютъ, между прочимъ, рутенами; доказано и то, что послѣднюю группою поглощались также татары и черкесы, и что даже названіе украинскихъ козаковъ перешло на нихъ отъ черкесовъ, которые называются по-русски „касогами“.

„Относительно чистоты происхожденія между обѣими упомянутыми русскими группами существуетъ поэтому, вѣроятно, лишь то различіе, что западная группа, къ которой относятся русскіе нашей монархіи, завершила поглощеніе чуждыхъ элементовъ уже въ XIII в., значить, давно; а съ тѣхъ поръ сама страдаетъ отъ поглощенія чуждыми элементами, особенно польскими, словацкими, мадьярскими и румынскими; между тѣмъ какъ восточная группа все еще успѣшно продолжаетъ ассимиляцію чуждыхъ элементовъ, т.-е. свое мнимое загрязненіе.

„Поглощать чужіе народы или быть поглощаемымъ есть исключительно проявленіе мощи или безспія, словомъ политическаго положенія народа въ данное время, что мы можемъ наблюдать не только у русскихъ, но и у нѣмцевъ, хотя оба эти народа все еще могутъ считаться сравнительно наименѣ смѣшанными въ Европѣ.

„Нѣмцы въ старое время ассимилировали великое множество полабскихъ славянъ и брежанъ, поморянъ, мекленбургцевъ, славяно-лѣтскихъ прусовъ, а равно и нижне-австрійскихъ и тирольскихъ славянъ; они, (нѣмцы), не только начали, но и успѣшно продолжали до недавняго времени также ассимиляцію латышей и финновъ (эстовъ) въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, равно какъ и славянъ въ Каринтіи, Штиріи, Чехіи, Моравіи и Силезіи. Даже теперь нѣмцы еще нисколько не перестали посредствомъ поглощенія славянъ Познани и Лужицъ загрязнять свою

кровь, такъ какъ они послѣдняго не только не боятся, но даже считаютъ себя въ этомъ весьма заинтересованными, а потому настойчиво содѣйствуютъ этому находящимися въ ихъ распоряженіи средствами духовнаго и матеріальнаго могущества.

„Несмотря на то, я не думаю, чтобы вовсе не смѣшанные съ лѣтскими и финскими элементами и даже менѣе смѣшанные со славянскими южные нѣмцы въ видахъ сохраненія своего болѣе чистаго нѣмецкаго происхожденія были склонны отдѣлять себя по происхожденію отъ сѣверныхъ нѣмцевъ и даже сдѣлавшееся имъ милымъ имя „нѣмцы“ („Deutsche“) замѣнить другимъ, на примѣръ, по аналогіи выраженія „рутены“ („Ruthenen“), заимствованнымъ изъ латинскаго—впрочемъ совершенно правильнымъ—выраженіемъ, „тевтоны“ („Teutonen“). Болѣе того, я, кажется, могу съ нѣкоторымъ основаніемъ полагать, что южные нѣмцы нисколько не сердятся на своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ за продолженіе ассимиляціи остатковъ славянъ въ Пруссіи и Силезіи, а также въ Познани и Лужицахъ и даже тогда едва ли бы стали сердиться, если бы вслѣдъ за полной и окончательной ассимиляціею этихъ славянскихъ элементовъ послѣдовала германизация расположенной на лѣвомъ берегу части нынѣ еще во всякомъ случаѣ относящагося къ русской имперіи Царства Польскаго—что далеко не невозможно, а скорѣе, наоборотъ, обусловлено перенаселенностью Германіи, которая неохотно отдаетъ своихъ сыновъ Америкѣ“ (стр. 16—18).

Къ тому же стремятся и малые народы, примѣръ чему поляки, которые въ Галичинѣ продолжаютъ пользоваться полученнымъ отъ имперіи могуществомъ для насильственнаго ополченія кореннаго населенія. „Даже малюсенькіе народцы, которыхъ собственная сила ниже нуля, стараются на основаніи кое-какихъ фикцій добиться отъ могущественныхъ имперій привилегированнаго положенія и впадаютъ на основаніи этихъ привилегій въ манію величія, которая выражается какъ разъ и въ стремленіи насильственно денационализировать другіе народы“. Какъ австрійскіе нѣмцы не согласились бы переименоваться въ „тевтоновъ“, такъ и русскіе Австро-Угріи не хотятъ быть „рутенами“. Да и правительству пора оставить подобныя „мелочныя припирки, недостойныя великой державы“. До 1848 г., продолжаетъ авторъ, въ Австріи не только русскіе назывались „рутенами“, но и румыны въ Угріи, Семиградьи и Военной Границѣ—„волохами“ („Walachen“), а въ Буковинѣ—„молдаванами“ („Moldauer“), сербы же считались „иллирійцами“ („Ullugier“). Мадьяры же, до 1849 г. правильно называвшіе русскихъ „русскими“ („rosz“), давали румынамъ имя „волоховъ“ („oláh“), сер-

бамъ-католикамъ (такъ назыв. „шокцамъ“ и „буневцамъ“) — „рацовъ“ (мад. „gacsz“, лат. „Rasciani“), и православнымъ сербамъ — „дикихъ рацовъ“ („vad gacsz“). По отношенію къ румынамъ и сербамъ эти придирки съ 1849 г. исчезли; одни русскіе все еще слывуть „рутенами“.

Въ заключительной части своей статьи (стр. 20—23) А. И. Добрянскій-Сачуровъ говоритъ, что по-русски названіе „русинъ“ такъ же правильно, какъ „болгаринъ“ или „армянинъ“, а въ нѣмецкомъ языкѣ всѣ они бессмысленны; что названіе „Малая Русь“ („Kleinrussland“, „Russia minor“) въ примѣненіи къ Галичинѣ вполне законно, какъ употребительное еще съ XIV вѣка, но въ примѣненіи къ Поднѣпровью съ древнею столицею Кіевомъ оно такъ же недопустимо, какъ наименованіе „Великою“ Руси восточной, которую вѣдь южане считаютъ своею колоніею; что „малорусскаго“ языка нѣтъ и быть не можетъ, какъ нѣтъ языка „малопольскаго“: ибо въ австрійской Малой Польшѣ образованные классы говорятъ на общепольскомъ литературномъ языкѣ, а низшіе классы — по-мазовецки; что названіе „малорусскій“ особенно неудобно потому, что „никто не хочетъ быть малымъ и вообще безъ нужды унижаться“ (стр. 22); что, впрочемъ, ученые вольны употреблять какую угодно терминологию, но государство, не называющее своихъ польскихъ гражданъ „Polaken“, но „Polen“, обязано „и своимъ русскимъ гражданамъ давать единственно правильное названіе, которое живетъ въ устахъ народа, соотвѣтствуетъ духу нѣмецкаго языка и, будучи соединено съ прилагательнымъ „австрійскій“ или, въ случаѣ надобности, „австро-угорскій“, не оставляетъ желать ничего лучшаго и въ смыслѣ ясности и точности“ (стр. 23). Этими словами и кончается разбираемая статья.

Львовскимъ процессомъ и насильственнымъ удаленіемъ съ кафедръ митрополита Іосифа Сембратовича польскіе политики воспользовались не только для усиленнаго насажденія въ Галичинѣ украинomanства (для чего былъ нарочно вызванъ изъ Россіи Кулишъ), но и для нанесенія русской униатской церкви въ Галичинѣ смертельной раны, — раны, которая за 30 лѣтъ не только не зажила, а, наоборотъ, постоянно растравляемая слугами Польши и Рима, привела, наконецъ, къ пробужденію православнаго сознанія въ русскихъ народныхъ массахъ. Для окончательной латинизаціи галицко-русской церкви поляки рѣшили предоставить исключительное право на занятіе епископскихъ кафедръ монахамъ, а послѣднихъ отдать на воспитаніе іезуитамъ.

Поляки добились отъ папы „апостольской конституціи“ отъ 30 апрѣля (12 Мая) 1882 г. „Singulare praesidium“. Предписанныя

этимъ папскимъ распоряженіемъ передача русскаго Добромилскаго монастыря іезуитамъ и изытіе галицкихъ монаховъ изъ-подъ власти ихъ епископовъ съ подчиненіемъ римской конгрегаціи „de propaganda fide“, проведенныя притомъ въ очень грубой формѣ, до глубины души возмутили русскихъ людей въ Галичинѣ, которые протестовали на двухъ народныхъ собраніяхъ и даже отправили къ вѣнскимъ властямъ особую депутацію. Когда же все это не привело къ желанной цѣли, А. И. Добрянскій-Сачуровъ собралъ обширный матеріалъ для меморандума, который и былъ обнародованъ сперва въ „Парламентеръ“ за 1885 г., а затѣмъ изданъ отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: *„Матеріалы для памятной записки галицкихъ русскихъ о мѣропріятіяхъ, проводимыхъ въ послѣднее время въ жизнь подѣ предлогахъ реформы галицкаго чернаго духовенства и угрожающихъ самому существованію галицкой греко-католической церкви“* (*„Material zur Denkschrift der galizischen Russen über die Massregeln, welche neuester Zeit unter dem Vorwande einer Reform des galizischen Regularclerus in's Leben gerufen, die griechisch-katholische Kirche Galiziens in ihrem Bestande gefährden“*, Вѣна, 1885 г., 173 стр. мелкаго шрифта). На основаніи этого матеріала былъ составленъ меморандумъ, поданный русскими галичанами императору и правительству.

Въ своемъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ сперва (стр. 3—8) вкратцѣ рассказываетъ исторію Галичины, указываетъ на несообразность даже съ точки зрѣнія автономіи областей соединенія галицко-владимирскаго королевства съ другими частями бывшей Рѣчи Посполитой въ одну, притомъ слишкомъ большую, коронную область, на необходимость раздѣла Галичины на восточную и западную, на несправедливость польскаго владычества надъ русскими галичанами и на стремленіе поляковъ совсѣмъ уничтожить самостоятельность галицко-русской церкви; затѣмъ такимъ образомъ излагаетъ сущность учиненнаго надъ послѣднею насилія:

„Подѣ тѣмъ предлогахъ, что въ греко-уніатскихъ монастыряхъ Галичины господствуетъ безпорядокъ, что поэтому весь монашескій орденъ, если онъ долженъ соотвѣтствовать своему назначенію, нуждается въ немедленной реформѣ, которую самъ протоигуменъ ордена (провинціалъ) предоставилъ іезуитамъ, послѣдніе добились въ Римѣ апостольской конституціи отъ 30 Апрѣля (12 Мая) 1882 г.“ (стр. 8—9). Изложивъ содержаніе этой конституціи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ приходитъ къ такимъ выводамъ о неизбежныхъ послѣдствіяхъ папскаго посланія, если оно останется въ силѣ:

„а) Орденъ іезуитовъ останется во владѣніи греко-католическимъ Добромилльскимъ монастыремъ и устроеннымъ тамъ новиціатомъ, откуда этотъ орденъ въ теченіе немногихъ лѣтъ наполнить своими воспитанниками всѣ греко-католическіе монастыри Галичины, а, слѣдовательно, какъ можно болѣе незамѣтнымъ образомъ, аннектируетъ ихъ съ ихъ значительнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнитъ все греко-католическое черное духовенство своими питомцами.

„б) Эти питомцы,—исключительно предназначенные къ занятію всѣхъ вліятельныхъ церковныхъ степеней, должностей и учебныхъ кафедръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, призванные также къ исполненію обязанностей настоятелей приходовъ,—въ непродолжительномъ времени возьмутъ въ свои руки управленіе всею греко-католическою церковью въ Галичинѣ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, и, такимъ образомъ, искони служащій польскимъ національнымъ тенденціямъ орденъ іезуитовъ получитъ необходимыя средства и нужное вліяніе, чтобы имѣть возможность провести направленные къ уничтоженію греческаго обряда проекты 1717 и 1751 годовъ, не опасаясь серьезнаго сопротивленія этому со стороны греко-католическаго духовенства или вѣрующихъ“ (стр. 18).

Разсмотрѣвъ далѣ историческую и юридическую сторону вопроса и доказавъ, что постановленія папскаго посланія нарушаютъ церковные и гражданскіе законы.—въ заключеніе своего сочиненія А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ слѣдующихъ словахъ высказываетъ убѣжденіе, что русскіе галичане только въ православіи могутъ найти спасеніе своей церкви и народности:

„Такъ какъ въ теченіе продолжительнаго времени замѣчается колебаніе греческаго обряда въ Галичинѣ, и постановленія обсуждаемой апостольской конституціи, проведеніе которой, къ сожалѣнію, все болѣе подвигается впередъ, являются насиліями, которыя во всякомъ случаѣ позволяютъ совѣснѣ оставить подъ сомнѣніемъ дальнѣйшее существованіе этого обряда, а, слѣдовательно, и греко-католической церкви,—то насчитывающіе около трехъ милліоновъ коренные жители Галичины поставлены передъ альтернативою: или утратить свою національную святыню и свою народность, т. е. свое существованіе, чтобы раствориться въ искони враждебномъ имъ польскомъ народѣ, или путемъ отбазы отъ католическаго догмата, т. е. воссоединенія съ православною церковью, навсегда избавиться отъ всякаго вмѣшательства

въ ихъ церковныя дѣла ихъ непрощенныхъ польскихъ опекуновъ, въ частности польскихъ іезуитовъ, и такимъ образомъ избѣжать подготавливаемой гибели ихъ національной жизни“ (стр. 173).

Въ примѣненіи къ Угорской Руси на то же намекаетъ Адольфъ Ивановичъ въ письмѣ къ примасу Угріи кардиналу Шимору отъ 25 Сент. (7 Окт.) 1869 г. Еще яснѣе высказана та же мысль въ найденной въ бумагахъ А. И. Добрянскаго-Сачурова и относящейся къ 1874 или 1875 году (на что указываетъ одновременное упоминаніе епископовъ Гаганца и Пастелія; даты нѣтъ) „Запискѣ о современномъ положеніи Руси Червонной, то-есть Галицкой и Угорской“, гдѣ между прочимъ читаемъ:

„Австрійское правительство выступило на окончательную борьбу съ русскою церковью и народностію.

„Убѣдившись въ этомъ, немногіе оставшіеся вѣрными церкви представители русской интеллигенціи въ Галиціи и Угорщинѣ рѣшились употребить всѣ свои усилія, чтобы отразить направленный противъ русскаго народа ударъ. Единственнымъ средствомъ къ этому они сочли принятіе православія. Къ этому издавна стремится весь простой народъ и все почти низшее духовенство. Австрійская конституція не ставитъ этому никакихъ формальныхъ затрудненій. Но что значать въ Австріи народныя желанія и положительныя законы, когда они не согласны съ желаніями правительства, располагающаго деньгами и штыками“.

Разобранное сочиненіе рисуется А. И. Добрянскаго-Сачурова не только, какъ глубоко вѣрующаго христіанина и горячаго патріота, но и какъ выдающагося богослова, церковнаго историка и канониста и тонкаго знатока народной души, отъ котораго не укрылась непоколебимая преданность галицкаго крестьянства православной вѣрѣ, такъ ярко сказывающаяся въ наши дни.

Проектъ преобразованія Австро-Угріи изъ федераціи областей въ федерацію народовъ былъ одною изъ любимыхъ мыслей А. И. Добрянскаго-Сачурова. Еще въ 1849 г. онъ настаивалъ на объединеніи всѣхъ русскихъ областей Габсбургской монархіи, въ 1849—50 гг. онъ стремился къ образованію въ Угріи хотя бы одного русскаго округа, въ 1861 г. въ своей произнесенной рѣчи (напечатанной по-нѣмецки) онъ высказывался за преобразованіе Угріи на началахъ автономіи народностей,

въ рѣчи 13 (25) Ноября 1868 г. требовалъ сохраненія за угорскими народами значенія корпорацій, призванныхъ заботиться о развитіи своего языка и народности, а въ „Проектѣ политической программы для Руси австрійской“ (1871 г.) онъ прямо указывалъ на необходимость устраненія дуализма и предоставленія автономіи каждому народу. Но наиболее подробно А. И. Добрянскій-Сачуровъ развилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ изданной въ 1885 г. въ Москвѣ книгѣ „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“. Она произвела огромное впечатлѣніе на австро-угорскихъ славянъ и была предметомъ всесторонняго обсужденія въ ихъ печати. Польскія газеты привели изъ нея выдержки, чешскія—посвятили ей рядъ статей, а въ общеславянскомъ „Парламентерѣ“ были изложены точки зрѣнія на этотъ проектъ: словенцевъ, чеховъ, угорскихъ сербовъ и даже французскаго политика Жюля Ферри. Все это заставило Адольфа Ивановича высказаться подробнѣе, что онъ и сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи—*„Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“* (*„Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich“*), напечатанномъ сперва на столбцахъ „Парламентера“ за 1885 г. и въ томъ же году появившемся въ видѣ отдѣльнаго оттиска въ 167 стр.

Авторъ подробно разбираетъ отношеніе къ идеѣ національной автономіи отдѣльныхъ австро-угорскихъ народовъ, излагая при этомъ ихъ историческія права. Затѣмъ онъ указываетъ на то, что теперь всѣ эти народности „воюють другъ съ другомъ и тратятъ свои силы въ ожесточенной борьбѣ, которую вызвала, поддерживасть и будетъ всегда поддерживать единственно нынѣшняя система автономіи областей“ (стр. 26). Изъ сеймовъ эта борьба вносится въ рейхсратъ, который становится неработоспособнымъ. Автономія областей ведетъ къ застою въ законодательствѣ, потерѣ времени, притупляющей патріотизмъ всеобщей усталости, волненіямъ среди угнетаемыхъ народовъ и репрессіямъ со стороны народовъ-угнетателей, даже кровавымъ возстаніямъ, а въ будущемъ и къ вмѣшательству иностранныхъ государствъ; къ непомерной избалованности привилегированныхъ народовъ, разсматривающихъ „все государство, какъ свою вотчину“. къ уменьшенію любви къ государству и паденіе его престижа, а черезъ ослабленіе національнаго чувства,—къ матеріализму и, наконецъ, къ анархіи (стр. 26—30).

Съ уничтоженіемъ коронныхъ областей, Австрія,—по проекту А. И. Добрянскаго-Сачурова,—должна раздѣляться на слѣдующія „національныя административныя области“ (*nationale Verwaltungsgebiete*):

„1) Нѣмецкая административная область составила бы изъ нынѣшнихъ коронныхъ областей Нижней Австріи, Верхней Австріи, Зальцбурга, Тироля и Форарльберга, далѣе изъ непосредственно граничащихъ съ этими коронными областями, сплошь заселенныхъ нѣмцами, частей Чехіи, Моравіи, Каринтіи и Штиріи.

„2) Юго-славянская административная область охватывала бы Далматію и Крайну, Истрію, Терсть (Triest), Горицу и Градиску, далѣе словенскія части Каринтіи и Штиріи.

„3) Чешская административная область должна бы быть образована изъ славянскихъ частей Чехіи и Моравіи, равно какъ и изъ Силезіи.

„4) Польская административная область должна была бы состоять изъ великаго воеводства (вел. герцогства) Краковскаго, затѣмъ изъ прилегающихъ чешскихъ воеводствъ (герцогствъ) Освѣтмскаго и Заторскаго, равно какъ изъ также прилегающихъ, совсѣмъ ополяченныхъ западныхъ частей Галичины.

„5) Галицко-русская административная область охватывала бы неполяченную часть Галичины и Буковину.

„6) Наконецъ, чтобы навсегда обезпечить... имперской столицѣ и резиденціи достойное и соответствующее ея особеннымъ интересамъ самостоятельное положеніе въ имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придать ей одинаково привлекательный для всѣхъ австрійскихъ народовъ, чисто австрійскій отпечатокъ, а тѣмъ самымъ заинтересовать всѣ племена имперіи въ подъемъ ея благосостоянія и значенія,—Вѣна со своими предмѣстьями должна бы образовать особую... шестую самостоятельную административную область.

„Послѣ устраненія дуализма получили бы приращеніе:

„а) Нѣмецкая административная область отъ присоединенія прилегающихъ къ Нижней Австріи частей Угріи, сплошь заселенныхъ нѣмцами... и охватывающихъ всю Визельбургскую столицу и большую часть столицы Эйзенбургской и Эденбургской;

„б) юго-славянская административная область, которая должна бы быть соединена съ Хорватією и Славонією, а также съ Рѣкою (Fiume)

и славянскими частями столицъ Залянской и Эйзенбургской, а затѣмъ съ областью, образованной въ министерство Баха сербской Воеводины, равно какъ и съ Босніею и Герцоговиною,— особенно выиграла бы въ объемѣ;

„в) чешская административная область, на долю которой выпали бы тѣ столицы Угрии, которыя содержатъ сплошное словацкое население и поэтому уже въ министерство Баха образовали особую, а именно Пресбургскую административную область Угрии;

„г) галицко-русская административная область, на долю которой выпалъ бы населенный русскимъ племенемъ сѣверо-востокъ Угрии, т.-е. въ общихъ чертахъ образованная въ министерство Баха Кошицкая административная область, за исключеніемъ, однако, румынскихъ частей столицъ Мараморышской и Угочанской.

„Итакъ, послѣ устраненія дуализма слѣдовало бы образовать еще румынскую и мадьярскую административныя области:

„7) Румынская административная область должна была бы охватывать Семиградье въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно находилось въ министерство Баха, далѣе существовавшія въ то время столицы Арадскую, Южно-Бихарскую, Сатмарскую и Чанадскую съ румынскими частями бывшей Военной Границы, а также столицъ Бекешской, Темешской, Мараморышской, Угочанской и Буковины.

„8) Пространство и составныя части мадьярской административной области обозначаются такимъ образомъ сами собою“ (стр. 59—61).

По проекту автора. каждая изъ этихъ областей „имѣла бы свой сеймъ (въ Вѣнѣ усиленную представителями предмѣстій городскую думу)... свое намѣстничество... (въ Вѣнѣ магистратъ...)“ (стр. 61). Кругъ вѣдѣнія сеймовъ можетъ остаться такимъ, какъ теперь, или даже быть суженъ, „лишь бы онъ остался для всѣхъ одинаковымъ“. „Единственно въ дѣлахъ, касающихся народности, т.-е. языка, церкви и школы (насколько они не касаются религіозныхъ обществъ, какъ таковыхъ), какое бы то ни было суженіе компетенціи сеймовъ было бы вредно“ (стр. 61).

„Въ тѣхъ національныхъ административныхъ областяхъ, въ которыхъ нельзя избѣжать большихъ и однородныхъ иноязычныхъ остро-

вовъ, какъ, на примѣръ, въ румынской—саксонскаго и мадярскаго, или замѣтно различіе мѣстныхъ интересовъ и историческихъ воспоминаній, что вѣроятно случилось бы въ нѣмецкой административной области, или, наконецъ, проявляется различіе соперничающихъ другъ съ другомъ религіозныхъ обществъ,—случай, который могъ бы встрѣтиться, на примѣръ, въ юго-славянской и даже галицко-русской административной области,—кромѣ областныхъ, должны были бы собираться еще окружные сеймы для рѣшенія тѣхъ сеймовыхъ дѣлъ, которыя вслѣдствіе господствующаго различія въ интересахъ не могли бы съ должнымъ спокойствіемъ обсуждаться на областномъ сеймѣ или могли бы привести къ нарушенію правъ меньшинства.

„Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывается неизбѣжнымъ созывъ окружныхъ сеймовъ, необходимо и учрежденіе окружныхъ правительствъ, какъ они существовали въ началѣ 50-хъ годовъ въ министерство Баха“ (стр. 62); послѣднія для удобства управленія должны быть учреждаемы и въ случаѣ обширности области или по требованію мѣстныхъ условій. Все же число сеймовъ и правительствъ (областныхъ и окружныхъ) будетъ меньше теперешняго. Описывая выгодныя послѣдствія національной автономіи (стр. 62—65), Адольфъ Ивановичъ приходитъ къ заключенію, что она сдѣлаетъ Австрію сильною внутри и могущественною во внѣ.

Въ сочиненіи „Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“ А. И. Добрянскій-Сачуровъ коснулся множества политическихъ, экономическихъ, правовыхъ, религіозныхъ, историческихъ и даже филологическихъ (на примѣръ, объ отношеніи словенцевъ къ хорватамъ) вопросовъ и при этомъ проявилъ свои обширныя познанія и большую самостоятельность мысли.

Въ 1885 г. все славянство праздновало 1000-лѣтіе блаженной кончины своего просвѣтителя—св. равноапостольнаго Меѳодія, архіепископа Моравскаго и Паннонскаго, а въ 1886 г. исполнилось 1000-лѣтіе изгнанія изъ Моравіи его учениковъ и начала жестокихъ гоненій латинскаго духовенства на славянскую церковь. На эту печальную годовщину откликнулся и А. И. Добрянскій-Сачуровъ, много пострадавшій за свою вѣрность кирилло-меѳодіевскимъ завѣтамъ. Памяти первыхъ мучениковъ за славянскую церковь посвятилъ онъ одно изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ церковно-историческихъ изслѣдованій, которое было сперва въ рукописи прочтено въ чешскомъ переводѣ на торжественномъ собраніи чешскаго политическаго общества „Еднота“

въ Вѣнѣ 26 Окт. (7 Ноября) 1886 г. его председателемъ д-ромъ Живнымъ, а затѣмъ по-нѣмецки напечатано авторомъ въ „Парламентеръ“ (1886 г., № 46, и отд. оттискъ въ 40 стр.) подъ заглавіемъ: „*Въ день праздника святого великомученика Димитрія*“. (*Am Festtage des heiligen Grossmartyrers Dimitrij*“, Вѣна, 1886; это сочиненіе издано также и по-чешски).

Указавъ на особенное почитаніе, оказываемое великомученику Димитрію Солунскому во всемъ славянскомъ мірѣ, авторъ переходитъ къ ученикамъ первоучителей и высказываетъ предположеніе, что самъ Меѳодій былъ архіепископомъ автокефальной славянской церкви съ мѣстопробываніемъ въ Бѣлградскомъ монастырѣ близъ Остригома (въ теперешней Угріи), Агаѳонъ (или по-славянски Гораздъ) митрополитомъ Моравскимъ, а Савва—Срѣмскимъ. По смерти Меѳодія нѣмецкое духовенство и поддерживающее его моравское правительство не допустили назначенія преемника Меѳодію (каковымъ, по его желанію, долженъ бы быть Агаѳонъ—Гораздъ); поэтому переселившійся вслѣдствіе гоненій въ столицу Угріи—Остригомъ бывшій Моравскій митрополитъ, а равно и митрополитъ Срѣмскій подчинялись Цареградскому патріарху и положили начало существующимъ донынѣ, хотя и совсѣмъ олатиненнымъ, митрополіямъ Остригомской (глава ея состоитъ всегда и „княземъ-примасомъ“ Угріи) и Бацко-Колоцкой (на югѣ Угріи). Исторія этихъ двухъ митрополій, т. е. греко-славянской церкви въ Угріи (и отчасти Моравіи) и посвящено изслѣдованіе. По мнѣнію Адольфа Ивановича, до конца XII в. угорская церковь была православною; въ концѣ XII в. при Бѣлѣ III послѣдовало принятіе уніи, которая, однако, была враждебно встрѣчена народомъ, и отъ которой часто отрекались цѣлые монастыри и даже епископы. Тотчасъ послѣ введенія уніи латинскіе монахи начали при содѣйствіи свѣтской власти отнимать у славянскихъ чернецовъ монастыри, а на ихъ земляхъ селить нѣмецкихъ и итальянскихъ колонистовъ. Однако систематическая латинизація началась лишь съ 1308 г., когда династія Арпадовичей вымерла и на угорскомъ престолѣ стали возсѣдать итальянцы, нѣмцы и поляки. Впрочемъ, сторонниковъ восточнаго обряда разыскивали и преслѣдовали еще въ XVI в. даже на Словачинѣ. Въ господствующей же церкви изъ смѣшенія латинскаго и греческаго обрядовъ образовался „обрядъ угорской церкви“ („*ritus ecclesiae hungaricae*“), который „удалось совсѣмъ искоренить только въ XVIII в., хотя его остатки тамъ и сямъ и теперь еще замѣтны въ римско-католической церкви Угріи“ (стр. 21). Въ XIII в. пала, по словамъ А. И. Добрянскаго-Сачурова, славянская церковь среди словенцевъ и запад-

ныхъ хорватовъ, а также среди прибалтійскихъ и полабскихъ славянъ; въ XV—XVI вв., послѣ отчаянной защиты въ періодъ гуситства,— среди чеховъ. „Только на востокъ австрійской монархіи восточная церковь... удержалась: частью въ своей полной самостоятельности, какъ греко-восточная или православная церковь, частью въ зависимости отъ римскихъ папъ, какъ церковь греко-уніатская или греко-католическая“ (стр. 28).

Въ только-что разобраннымъ краткомъ изслѣдованіи, основанномъ на документальныхъ данныхъ и полномъ смѣлыхъ обобщеній, содержится цѣлая программа для будущаго историка угорской церкви, который долженъ, разобравъ, по возможности, всѣ архивныя данныя, провѣрить выводы Адольфа Ивановича. Кое-что для этого сдѣлано имъ самимъ въ многочисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ большею частью въ томъ же „Парламентарѣ“ (напр. 1887, № 10); но другія занятія и невозможность даже вѣзда въ Угрію помѣшали ему закончить начатое дѣло.

Славянофильскія воззрѣнія А. И. Добрянскаго-Сачурова и проповѣдуемая имъ идея замѣны автономіи областей автономією народностей съ проведеніемъ полной ихъ равноправности вызвали сильное неудовольствіе значительной части чешскаго общества, рассчитывающей на приобрѣтеніе для бывшаго чешскаго королевства какого-то особаго положенія въ составѣ Габсбургской монархіи. Представитель этого направленія въ 1880-хъ годахъ, чешскій журналъ „Славянскіе Листы“ (1887 г., № 6) очень рѣзко выступилъ противъ „Парламентера“ и автора помѣщенной въ немъ (1887 г., № 10) статьи о денационализациі славянъ въ средніе вѣка, гдѣ на основаніи исторіи и фактовъ доказывалось, что народъ, утратившій всѣ свои національныя особенности, долженъ рано или поздно лишиться и своего языка.

Этимъ авторомъ былъ Адольфъ Ивановичъ, который и не замедлил отвѣтить „Славянскимъ Листамъ“ въ особой обширной статьѣ, напечатанной въ „Парламентарѣ“ (1887 г., №№ 18—21 и отдѣльнымъ оттискомъ въ 99 стр.), подъ заглавіемъ: „Разъясненію и истинѣ“ („*Der Aufklärung und der Wahrheit*“). Указавъ на вызвавшія статью обстоятельства и выяснивъ различіе между основными взглядами чешскаго журнала и своими, А. И. Добрянскій-Сачуровъ совѣтуетъ чехамъ не увлекаться областною автономією, а, напротивъ, возможно лучше отмежеваться отъ нѣмцевъ и постепенно возстановить въ себѣ утраченныя черты славянской народности. Народъ Адольфъ Ивановичъ

сравниваетъ съ ежомъ, „особенность котораго,—то, что у людей мы называемъ народностью,—заключается въ его щетинистой кожѣ, которая защищаетъ его отъ всякаго хищнаго животнаго только до тѣхъ поръ, пока она въ цѣлости“ (стр. 4).

Переходя отъ общихъ положеній къ частнымъ вопросамъ, авторъ подробно разбираетъ утвержденія „Славянскихъ Листовъ“, будто чешская азбука лучше всего передаетъ всѣ славянскіе звуки, и съ большимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ доказываетъ преимущество передъ нею кириллицы, которую совѣтуетъ принять всѣмъ славянамъ (стр. 11—59). Далѣе разсматриваются вопросы объ общеславянскомъ языкѣ (стр. 59—84), которому Адольфъ Ивановичъ въ 1888 г. посвятилъ особую статью, о министерствѣ бар. Баха (стр. 84—86), о чемъ подробнѣе въ „Программѣ для проведенія національной автономіи въ Австріи“ и, наконецъ, объ историческомъ значеніи Великоморавскаго государства (стр. 86—93), которое „Славянскіе Листы“ старались всячески умалить, забывая о безсмертныхъ заслугахъ Первоучителей и призвавшаго ихъ князя Ростислава.

Въ разобранной статьѣ Адольфъ Ивановичъ имѣлъ случай проявить свои обширныя познанія въ области славянской филологіи и исторіи, высказать свои—сходные съ воззрѣніями нашихъ славянофиловъ—взгляды на сущность и значеніе народности и показать на дѣлѣ, какъ близки могутъ и должны быть русскому человѣку интересы каждой изъ вѣтвей славянской липы.

Когда австрійское правительство перевело зятя А. И. Добрянскаго-Сачурова Ю. М. Геровскаго изъ Галичины (гдѣ онъ прослужилъ болѣе 20 лѣтъ!) въ самую отдаленную провинцію государства—въ Тироль, Адольфъ Ивановичъ, хотя и былъ опечаленъ такой несправедливостью, однако обрадовался близости своей дочери Алексіи Адольфовны и зятя Юліана Михайловича и, оставивъ свою одинокую жизнь въ Вѣнѣ, переселился въ 1887 году къ нимъ, въ гор. Иннсбрукъ. Здѣсь онъ, какъ и въ Вѣнѣ, продолжалъ свою правильную, трудовую жизнь: занимался гимнастикой и водолѣченіемъ, поднимался на высокія горы, много читалъ и писалъ; былъ любимцемъ и руководителемъ иннсбрукской славянской молодежи. Первые восемь лѣтъ (1887—1895) онъ жилъ въ семьѣ своей дочери, когда же Геровскіе переѣхали въ Черновцы, А. И. Добрянскій-Сачуровъ остался совершенно одинъ и къ тому же вдали отъ родного народа. Не могъ онъ переселиться ни въ свое имѣніе Чертежное, ни вообще въ Угрію, Галичину или Буко-

вину, ни даже въ Россію (по австрійскимъ законамъ, пенсія должна быть расходуема внутри государства; поэтому, переселившись въ Россію, Адольфъ Ивановичъ лишился бы своей скромной пенсіи, на которую жилъ); не могъ онъ поѣхать и въ Прагу, находившуюся на военномъ положеніи, или какой-либо другой славянскій городъ. Осенью 1900 г. въ Иннсбрукъ переѣхала изъ Чертежнаго жена Адольфа Ивановича—Элеонора Осиповна.

За время пребыванія въ Иннсбрукъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ напечаталъ слѣдующіе свои труды: „Взглядъ А. И. Добрянскаго на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“ (1888 г.), „По истинѣ“ („Zur Steuer der Wahrheit“, 1888), „Къ разъясненію защиты греко-славянской церкви со стороны апостольскаго римскаго престола“ („Zur Aufklärung des Schutzes der griechisch-slavischen Kirche seitens des Apostolischen römischen Stuhles“, 1888 г.), „Партійная жизнь славянъ въ Чехіи“ („Das Parteiwesen der Slaven in Böhmen“, 1889 г.), „Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне“ (1892 г.), „Календарный вопросъ въ Россіи и на западѣ“ (1894 г.), „Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого“ (1896 г.), „Куда мы дошли?“ (1898 г.), „Сужденіе православнаго галичанина о реформѣ русскаго церковнаго управленія, проектируемой русскими либералами нашего времени“ (1899 г.) и „Гдѣ выходъ?“ (1901 г.).

Въ концѣ 1880-хъ гг. зять Адольфа Ивановича проф. А. С. Будиловичъ*) былъ занятъ составленіемъ своего большого труда „Общеславянскій языкъ“ (увѣнчаннаго затѣмъ Петроградскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ Кирилло-Меѳодіевскою премією и изданнаго въ 1892 г. въ двухъ томахъ). Желая узнать мнѣніе по этому вопросу своего знаменитаго тестя, онъ обратился къ нему съ рядомъ вопросовъ, на которые А. И. Добрянскій-Сачуровъ отвѣтилъ обстоятельнымъ письмомъ, напечатаннымъ, съ согласія автора, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ (1888 г., №№ 183, 184 и 188) и отдѣльнымъ оттискомъ (Варшава, 1888 г. стр. 24) подъ заглавіемъ: „Взглядъ А. И. Добрянскаго на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“.

Указавъ на то, что всѣ славяне, кромѣ поляковъ, признаютъ „необходимость духовнаго объединенія всѣхъ вѣтвей славянскаго народа, именно посредствомъ общеславянскаго языка, каковымъ по общему согласію долженъ быть языкъ русскій“ (стр. 1), авторъ доказываетъ необходимость очищенія послѣдняго отъ ненужныхъ нѣмецкихъ и романскихъ словъ, странно образованныхъ глаголовъ на „ировать“ („напр.,

*) А. С. Будиловичъ, передъ смертью былъ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

телеграфировать вмѣсто телеграфовать“—стр. 3), и читаемыхъ на нѣмецкій ладъ греческихъ словъ (въ родѣ „библіотека“—βιβλιοθήκη; стр. 2—6). „А какъ легко русскимъ сдѣлать это!“—восклицаетъ Адольфъ Ивановичъ.—„Стоитъ лишь основать славянскую академію словесныхъ наукъ, которая въ виду предстоящаго объединенія въ языкѣ является необходимою уже для того, чтобы выработать примѣненіе азбуки ко всѣмъ нарѣчіямъ, издать общеславянскую энциклопедію и т. п. Эта академія уже при составленіи помянутой энциклопедіи могла бы поставить себѣ цѣлью очищеніе русскаго языка, а сверхъ того привела бы въ порядокъ и исторію славянъ, составляемую до сихъ поръ тоже по вкусу не-славянъ“ (стр. 6). „Да, очищеніе языка не представляетъ для русскіихъ особеннаго затрудненія. Русскій языкъ самъ по себѣ богатъ словами и формами, старославянскій—тоже, а въ славянскихъ нарѣчіяхъ находится среди мало пригоднаго плеонастическаго матеріала многое, чѣмъ можно и должно воспользоваться“ (стр. 7). Послѣ такого очищенія общеславянскій языкъ могъ бы занять „мѣсто не-славянскихъ языковъ: во-первыхъ, въ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ славянъ между собою, а во-вторыхъ—въ высшей области наукъ“ и проникнуть „не только въ верхніе, но постепенно и въ низшіе слои всѣхъ вѣтвей славянскаго народа“ (стр. 8). Далѣе (стр. 7—22) Адольфъ Ивановичъ говоритъ о томъ, какихъ уступокъ (преимущественно въ школьной области) можно требовать отъ каждой изъ живущихъ въ разныхъ политическихъ условіяхъ частей славянскаго племени въ пользу общеславянскихъ церковнаго и гражданскаго (т.-е. церковно-славянскаго и русскаго) языковъ? Дѣло сводится къ изученію этихъ языковъ и преподаванію на нихъ нѣкоторыхъ предметовъ.

При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ даетъ краткій обзоръ политическаго положенія славянъ. Касаясь польскаго вопроса, онъ говоритъ, что съ нимъ „пора покончить... тѣмъ или инымъ способомъ. Если бы поляки Русскаго Государства... искренно отказались отъ своихъ мечтаній и политическихъ заблужденій и были готовы занять подобающее положеніе среди славянъ, къ которымъ до сихъ поръ относились враждебно, то думаю, что имъ въ краяхъ, заселенныхъ болѣе или менѣе сплошною польскою стихіей, возможно было предоставить значительный просторъ въ употребленіи своего нарѣчія“ (стр. 10).

Кромѣ уступокъ въ пользу общеславянскаго языка въ школьной области, А. И. Добрянскій-Сачуровъ совѣтуетъ еще славянамъ: „а) не заниматься творчествомъ новыхъ словъ, а брать ихъ изъ общеславянскаго языка; б) замѣнить выраженія какъ нововыкованныя, такъ и

взятія изъ другихъ сосѣднихъ нарѣчій, но не привитыя еще прочно народному множеству, выраженіями, употребляемыми въ русскомъ языкѣ; в) употреблять изъ находящихся въ мѣстныхъ говорахъ синонимовъ преимущественно тѣ, хотя бы менѣе обыкновенные. менѣе распространенные, которые находятся и въ русскомъ языкѣ, г) разъяснять какъ значеніе русскаго и старославянскаго языковъ, значеніе для славянъ, и преимущества кириллицы. и стараться о введеніи ихъ въ жизнь по возможности. д) употреблять въ сношеніяхъ со славянами общеславянскій языкъ“ (стр. 23).

Статья А. И. Добрянскаго-Сачурова весьма интересна не только своими выводами и широкой постановкой затронутого вопроса, но также и тѣмъ, что будучи написана *по-русски*, *даетъ представленіе о языкѣ автора*.

Мееодіевскія торжества 1885 г. вызвали въ давно утратившихъ свою національную церковь словенцахъ и чехахъ неудержимое стремленіе во что бы то ни стало добиться на своей родинѣ возстановленія въ богослуженіи церковно-славянскаго языка и восточнаго обряда. Во главѣ этого движенія стоялъ проживавшій до середины 1887 г. въ столицѣ Австріи и пользовавшійся среди славянъ огромнымъ вліяніемъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ.

Однако противъ этого законнаго стремленія славянъ рѣшительно выступило высшее латинское духовенство, а архіепископъ Горицкій со всѣми четырьмя епископами своей митрополіи издалъ въ 1888 г. пастырское посланіе. обвинявшее поборниковъ славянскаго обряда въ желаніи повелѣвать церковью и вмѣшиваться въ дѣла епископовъ, въ предпочтеніи національныхъ интересовъ церковнымъ. въ невѣрности Австріи и ея монарху и запрещавшее ксендзамъ поддерживать столь опасное движеніе подъ страхомъ суровыхъ наказаній.

Отвѣтъ Адольфа Ивановича на это посланіе былъ сперва помѣщенъ въ „Парламентеръ“, а затѣмъ изданъ отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: „*По истинѣ. Отвѣтъ на заподозриваніе славянскаго народа Горицкой митрополіи*“ („*Zur Steuer der Wahrheit. Eine Antwort auf die Verdächtigungen des Slavenvolkes der Görzer Metropole*“, Вѣна, 1888 г., стр. 56).

Указавъ на происходящую на территоріи Горицкой митрополіи вѣковую борьбу коренной славянской стихіи съ пришлою итальянскою

(стр. 3—10), Адольфъ Ивановичъ очень мѣтко доказываетъ полную несостоятельность всѣхъ пяти пунктовъ посланія (стр. 10—15), высказываетъ и обосновываетъ совершенно православный взглядъ на Церковь (13—23), а авторовъ пастырскаго посланія уличаетъ въ томъ, что они, съ одной стороны исключая изъ церкви мірянъ и даже низшее духовенство, а съ другой—отожествляя Церковь съ Богомъ, дѣлаютъ изъ епископовъ какихъ-то боговъ (стр. 47). Указавъ на то, что посланіе составлено въ интересахъ не католицизма, а итальянскаго націонализма, авторъ въ концѣ статьи (стр. 48—56) доказываетъ допустимость съ католической точки зрѣнія существованія національныхъ церквей со своими особыми обрядами и вредъ—даже опасность—латинизаціи для католической церкви.

Гораздо осторожнѣе поступили епископы Чехіи и Моравіи, предоставившіе незавидную роль защитниковъ латинства ищущимъ ихъ милости профессиональнымъ политикамъ и зависимымъ отъ нихъ журналистамъ. Противъ защищаемаго младочешскими „Народными Листами“ („*Národní Listy*“) движенія въ пользу возстановленія славянскаго обряда у чеховъ въ 1887 г. почти одновременно выступили старочешскій „Гласъ Народа“ („*Hlas Naroda*“) и клерикальный „Чехъ“ („*Čech*“), которымъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ и не замедлилъ дать отвѣтъ, напечатанный сперва въ „Парламентерѣ“, а затѣмъ вышедшій отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: „*Kъ разъясненію защиты греко-славянской церкви со стороны апостольскаго римскаго престола*“ („*Zur Aufklärung des Schutzes der griechisch-slavischen Kirche seitens des Apostolischen römischen Stuhles*“, Вѣна, 1888 г., стр. 164).

Посвятивъ первыя страницы органу старочеховъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ заискиваніи у поляковъ и мадяръ, Адольфъ Ивановичъ остальную часть брошюры посвящаетъ разбору и опроверженію положеній „Чеха“, доказывая, что самая идея Вселенской или Католической Церкви предполагаетъ существованіе церквей помѣстныхъ, національныхъ, ведущихъ свое начало со временъ апостольскихъ (стр. 8—21), главными же виновниками навязыванія германцамъ и славянамъ латинскаго—въ частности римскаго—національнаго обряда были не папы, а римско-нѣмецкіе императоры, на которыхъ падаетъ отвѣтственность и за раздѣленіе церквей (стр. 21—65); но кирилло-меѳодіевская церковь пустила въ чешскомъ народѣ глубокіе корни, почему для отгнѣсенія ея потребовались вѣковыя усилія королей и аристократіи, особенно не въ мѣру превозносимаго многими императора Карла IV (стр. 73—92). Далѣе авторъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что ученіе

Яна Гуса и Иеронима Пражскаго носить не протестантскій, а православный характеръ (стр. 97—103); указываетъ на то, что раздѣлу Австріи въ 1866 г. помѣшалъ не чешскій католицизмъ, а Россія (стр. 103—104), и что возстановленіе славянскаго обряда у чеховъ вовсе не невозможно (стр. 105—115); совѣтуетъ послѣднимъ не подражать антиславянской политикѣ поляковъ, ведущей ихъ къ гибели (стр. 115—122), возстановить славянскій обрядъ въ Чехіи и Моравіи: начать слѣдуетъ съ введенія его въ одной изъ церквей такихъ общинъ, гдѣ ихъ двѣ или нѣсколько, предоставленія священникамъ славянскаго обряда права избрать въ каждой епархіи изъ своей среды „архипресвитера“ и назначенія двухъ викарныхъ епископовъ славянскаго обряда (для Чехіи и для Моравіи),—къ этой организаціи могли бы затѣмъ по собственному желанію присоединяться общины съ одной церковью (стр. 123—119). Упомянувъ затѣмъ о томъ, что католическая пропаганда—вслѣдствіе принятой системы латинизаціи—имѣетъ весьма малый успѣхъ, особенно сравнительно съ миссіонерскою дѣятельностью русской церкви (стр. 130—135 и 146—159), которая создала величіе Россіи и всегда спасала ее въ трудныя времена (стр. 136—142),—Адольфъ Ивановичъ говоритъ, что единство Церкви должно выражаться только во всеобщемъ признаніи догматовъ (догматъ, по православному пониманію, котораго держался и А. И. Добрянскій-Сачуровъ, есть то, „во что всегда, всюду и все вѣрили“—стр. 157) и взаимной любви (стр. 157—159). Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что времена, когда церковь и государство могли навязывать народамъ чужой языкъ и обычаи, прошли (стр. 159—163), и что происходящее среди чеховъ движеніе въ пользу славянскаго обряда носить католическій характеръ, который можегъ однако смѣниться противокатолическимъ, если пастыри не станутъ во главѣ стада (стр. 163—164).

Для осуществленія политической программы А. И. Добрянскаго-Сачурова, т.-е. дарованія народамъ Австро-Угріи дѣйствительнаго равноправія и самоуправленія, особенно важно было содѣйствіе располагающимъ значительнымъ числомъ мѣсть въ рейхсратѣ чеховъ. А между тѣмъ безраздѣльно господствовавшая среди нихъ съ 1860-хъ годовъ старочешская партія заодно съ мадьярами и поляками добивалась еще большаго расширенія автономіи областей и приносила реальные интересы чеховъ и всего славянства въ жертву несбыточнымъ мечтамъ о воскрешеніи подъ скипетромъ Габсбурговъ былого чешскаго королевства (въ которомъ, встать сказать, оказалось бы около 3.000.000 нѣмцевъ). Безплодность дѣятельности старочеховъ и постоянныя заискиванія ихъ у мадьяръ, поляковъ и нѣмецкихъ консерваторовъ лишили

ихъ всякаго довѣрія въ народъ и создали благопріятную почву для выступления младочеховъ. Чтобы возстановить свое пошатнувшееся положеніе, старочехи устроили въ сентябрѣ 1888 г. партійный съездъ. Этому съезду и связаннымъ съ нимъ вопросамъ о желательной политической программѣ для чеховъ Адольфъ Ивановичъ посвятилъ брошюру „*Партійная жизнь славянъ въ Чехіи*“, („*Das Parteiwesen der Slaven in Böhmen*“, Люблина, 1889 г., стр., 99).

Послѣ краткаго введенія, въ которомъ указывается на пренебреженіе старочеховъ къ ближайшимъ родичамъ—словакамъ и даже моравамъ (стр. 3—5), авторъ разбираетъ рѣчи старочешскихъ вождей: Ригера (стр. 6—12 и 43—84), проф. Квичалы (стр. 12—19), проф. Брафа (стр. 19—25) и Тоннера (стр. 25—43). При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ отмѣчаетъ отрицательныя черты старочешской партіи: высокомерное отношеніе къ избирателямъ, раболѣпіе передъ поляками и мадьярами, нерадѣніе о національныхъ интересахъ чехо-славянскаго племени и экономическихъ нуждахъ низшихъ классовъ населенія, особенно сельскихъ хозяевъ. Особенно интересны приведенные по поводу разбираемыхъ рѣчей краткіе очерки исторіи Польши (стр. 29—38), о паденіи которой сожалѣлъ „едва одинъ процентъ населенія бывшей польской Рѣчи Посполитой“ (стр. 37), а также независимыхъ нѣкогда отъ Угріи Семиградья (стр. 58—60) и Хорватіи (стр. 60—64) и, наконецъ, самой Угріи (стр. 64—80), хозяйничаньемъ въ которыхъ мадьяръ, неимѣющихъ на то никакого—даже „историческаго“—права, такъ восхищались старочехи.

Разбирая далѣе (стр. 84—95) резолюцію съезда, Адольфъ Ивановичъ совѣтуетъ чехамъ не увлекаться своими мнимыми историческими правами, а добиваться національнаго равноправія и самоуправленія, на которыхъ, вѣдь, настаивалъ и Палацкій до 1866 г., и которыя вовсе не исключаютъ и возстановленія въ будущемъ чешской государственности. Въ заключительной части брошюры (стр. 95—99) авторъ указываетъ на успѣхи младочеховъ и близкое паденіе старочеховъ, отмѣчаетъ нѣкоторые недостатки младочешской партіи и необходимость установленія общей программы для всѣхъ чешскихъ партій (не исключаяющей, конечно, ихъ особыхъ партійныхъ программъ). Изложеніемъ которой и кончается разбираемое сочиненіе. Отмѣтимъ при этомъ, что предсказанія А. И. Добрянскаго-Сачурова сбылись: на ближайшихъ выборахъ старочехи потерпѣли полное пораженіе, и ихъ мѣста въ парламентѣ заняли младочехи.

Несочувствіе правящаго меньшинства Австро-Угріи къ политическому проекту Адольфа Ивановича, который, по его мнѣнію, одинъ могъ спасти габсбургскую монархію и, вообще крайняя бессмысленность съ австрійской точки зрѣнія господствующей въ обѣихъ половинахъ имперіи правительственной системы управленія, убѣдили богатаго опытомъ А. И. Добрянскаго-Сачурова въ томъ, что судьбы средне-дунайскихъ народовъ рѣшаются не ими самими и не ихъ законнымъ государемъ, а могущественнымъ главою возстановленной римско-нѣмецкой имперіи; что, слѣдовательно, судьба греко-славянскаго міра вообще, и австро-угорскихъ славянъ и румынъ въ частности, зависитъ не столько отъ внутренней политики габсбургской монархіи, сколько отъ международныхъ отношеній. Чтобы раскрыть глаза Россіи и всему славянству на важность переживаемаго момента, А. И. Добрянскій-Сачуровъ посвятилъ этому вопросу статью „*Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне*“, напечатанную за подписью Сръмецъ въ „Славянскомъ Обзорѣніи“ (Петроградъ, 1892 г.).

Указавъ на ту зависимость отъ Гогенцоллерновъ, въ какую уже попали Австро-Угрія и Италія, а скоро могутъ попасть и всѣ небольшія средне-европейскія и балканскія государства, авторъ разсматриваетъ хорошія и дурныя стороны и внутренній строй нарождающейся огромной римско-нѣмецкой имперіи, при чемъ высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ существованію малыхъ „мнимо-самостоятельныхъ“ государствъ въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, міровой торговли и огромныхъ армій. Далѣе Адольфъ Ивановичъ указываетъ на необходимость образованія балканской федераціи и на несправедливое отношеніе Австро-Угріи къ населяющимъ ее румынамъ и славянамъ (кромѣ, конечно, поляковъ, которыхъ вмѣстѣ съ мадьярами авторъ часто называетъ „будущими нѣмцами“) и разсматриваетъ порознь современное положеніе и настроеніе австро-угорскихъ хорватовъ, сербовъ, словенцевъ, чехо-славянъ, русскихъ, румынъ и, наконецъ, несочувствующихъ своимъ верхнимъ слоямъ польскихъ и мадьярскихъ народныхъ массъ. При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ высказываетъ свои религіозныя, національныя и политическія убѣжденія: сочувствіе православію, греко-славянскому (со включеніемъ румынъ, мадьяръ и др.) единству и автономіи народностей и отрицательное отношеніе къ католицизму и уніи, всякимъ мелкимъ національнымъ сепаратизмамъ и автономіи областей. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

„Задуманная въ Берлинѣ римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ уже далеко подвинулась въ своемъ образованіи. Воля стоящаго

во главѣ тройной лиги германскаго императора имѣть рѣшающее значеніе не только въ могущественной Германіи, но также въ Австро-Угріи и Италіи...

„...Сосѣднія мелкія государства не въ состояніи будутъ долго удержаться...

„Такимъ образомъ, втихомолку и безъ кровопролитія можетъ постепенно совершиться въ близкомъ будущемъ образованіе могущественной римско-нѣмецкой имперіи, въ которую войдутъ всѣ германцы европейскаго материка, затѣмъ итальянцы, румыны, греки, турки, албанцы, всѣ западные и южные славяне, а также осколки славянъ восточныхъ, французовъ и финновъ. Единственнымъ условіемъ благополучнаго для нѣмцевъ исхода этого процесса является сохраненіе европейскаго мира...

„Вопросъ лишь въ томъ, согласятся ли Россія и Франція представить Гогенцоллернамъ безмятежный миръ на все время совершенія и завершения этого грандіознаго политическаго процесса? Хотя мы и не посвящены въ тайны кабинетовъ петербургскаго и парижскаго, однако считаемъ себя вправѣ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что они будутъ безучастными зрителями того, такъ слабая еще нынѣ сплоченность римско-нѣмецкой имперіи постепенно будетъ возрастать, по мѣрѣ подавленія самостоятельности и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, и большинства населеній Австро-Угріи и Италіи, угрожая залить потокомъ тевтонизма множество то единовѣрныхъ, то единокровныхъ съ Франціей и Россіей народовъ срединной Европы!..

„Кромѣ того, могутъ ли Россія и Франція равнодушно смотрѣть на утвержденіе въ Европѣ диктатуры Гогенцоллерновъ? . . . Вѣдь и донинѣ много уже вреда причинили Гогенцоллерны французамъ какъ враги, а русскимъ какъ друзья. Соединенными силами должны теперь Россія и Франція позаботиться о томъ, чтобы спасти отъ ига тевтонизма не-нѣмецкіе народы Австро-Угріи и Италіи, ожививъ въ нихъ инстинкты самохраненія и надежды на свободную народную будущность. А такъ какъ въ пользу Гогенцоллерновъ работаютъ сверхъ нѣмцевъ еще поляки и мадьяры, какъ нѣмцы будущаго, то политика Россіи и Франціи должна быть одновременно обращена на обузданіе этихъ, до нельзя раздутыхъ нынѣ народностей. Это немедленно привело бы къ распаденію сложившагося зерна римско-нѣмецкой имперіи

и постепенно ободрило бы подавленные нынѣ Пруссіею мелкія нѣмецкія государства, которыя подъ главенствомъ Австріи могли бы образовывать, — конечно, въ этнографическихъ границахъ нѣмецкаго племени, — независимый отъ Пруссіи союзъ южно-германскихъ государствъ. Тогда открылась бы не только для греко-славянской и романской, но и для германской Европы возможность свободного народнаго развитія, не сдерживаемаго, какъ нынѣ, безконечными вооруженіями и ненасытнымъ властолюбіемъ прусскаго тевтонизма“.

Галицкіе и угорскіе латинизаторы въ своемъ стремленіи навязать русскимъ униатамъ обрядъ западной церкви съ особенною ненавистью смотрѣли — и доннынѣ смотрятъ — на старый юліанскій календарь, который имъ давно бы хотѣлось замѣнить новымъ, григоріанскимъ. Но всѣ ихъ усилія до сихъ поръ остаются тщетными. Понимая великую важность освященнаго церковнымъ преданіемъ и связывающаго всѣ христіанскіе народы Востока календаря, А. И. Добрянскій-Сачуровъ не могъ равнодушно слушать смущавшіе мало знакомое съ календарнымъ вопросомъ русское общество толки о замѣнѣ юліанскаго календаря григоріанскимъ и выступилъ съ обстоятельною и глубоко продуманною книгою „Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ“ (за подписью С р ѣ м ца. Петроградъ, 1894 г., стр. 105).

Послѣ краткаго введенія (стр. 1—4) съ указаніемъ на тягостное впечатлѣніе, произведенное въ православномъ и даже униатскомъ мірѣ статьею Покровскаго („Простѣйшій способъ введенія у насъ новаго сгиля“ „Славянскія Извѣстія“, 1891 г., №№ 16—17), Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ сперва исторію календарнаго вопроса на Западѣ (стр. 4—43), причемъ особенно подчеркиваются признанная всѣми авторитетными учеными ложность самой основы григоріанскаго календаря (Прутенскихъ таблицъ и 300.000-лѣтняго цикла епактъ Дилію) и вызванныя насильственнымъ введеніемъ его кровавыя смуты, немало способствовавшія разложенію римско-католической церкви и римско-нѣмецкой имперіи. Опровергая затѣмъ шагъ за шагомъ всѣ „мнѣнія и заключенія“ Покровскаго (стр. 43—64), авторъ не только уличаетъ его въ полномъ незнакомствѣ съ вопросомъ, но по поводу нѣкоторыхъ его утверженій на основаніи исторіи доказываетъ самостоятельность и силу православной церкви (стр. 65—69) и крайній упадокъ церкви римской (стр. 69—72), которая отъ папскаго ига „можетъ избавиться только путемъ возвращенія къ здоровымъ традиціоннымъ основаніямъ церкви Христовой, т.-е. посредствомъ воссоединенія съ православною церковью“ (стр. 71). Съ послѣднею воссоединятся,

по мнѣнію автора, всего скорѣе католическіе славяне, англиканцы и французы. Въ концѣ книги (стр. 95—105) А. И. Добрянскій-Сачуровъ высказываетъ свой „взглядъ на реформу календаря“, который сводится къ слѣдующему: „немедленное исправленіе юліанскаго календаря признается, на приведенныхъ основаніяхъ, ненужнымъ и притомъ опаснымъ въ виду настроенія народовъ, крѣпко за него держащихся. Но возможность исправленія считается допустимою и до истеченія слѣдующихъ двухъ тысячелѣтій, когда оно окажется необходимымъ“ (стр. 95); лучше всего подождать, пока „въ слѣдующія столѣтія“ астрономы опредѣлятъ „великій солнечный годъ“ и путь луны; но вселенскій соборъ (безъ котораго нельзя измѣнять утвержденнаго первымъ вселенскимъ соборомъ календаря) можетъ и раньше внести поправки въ юліанскій календарь, который, „въ отношеніи простоты, легкости и практичности, до сихъ поръ остался еще не превзойденнымъ“ (стр. 96); однако Церковь даже въ случаѣ исправленія должна „удержать ради своего авторитета старый календарь“ (стр. 97) съ тою только разницею, что каждый 128 годъ считался бы простымъ: выкидывать же 12 дней ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, а лучше, по примѣру I собора (перенесшаго равноденствіе съ 25 на 21 марта), перенести равноденствіе на 9 марта; всего лучше было бы вставить 8 дней, чтобы равноденствіе пришлось на 1 марта, которое можно бы сдѣлать (какъ было въ старину) началомъ года; а годы слѣдовало бы считать не только по невѣрному счету отъ Рождества Христова, но и отъ сотворенія міра: небольшую поправку предлагаетъ Адольфъ Ивановичъ и въ исчисленіи луннаго года; но главное, во избѣжаніе бывшихъ на Западѣ печальныхъ послѣдствій поспѣшной реформы календаря, нужно быть очень осторожнымъ, ибо „ничто не понуждаетъ православную церковь немедленно предпринять измѣненія въ календарѣ“ (стр. 104).

Въ 1896 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ помѣстилъ въ „Галичанинѣ“ статью „*Плоды ученія гр. Л. Н. Толстою*“, переизданную затѣмъ Святѣйшимъ Синодомъ въ двухъ книжкахъ (Петроградъ, 1896, стр. 77+48). Въ этомъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ разбираетъ религіозно-философскія воззрѣнія яснополянскаго писателя и моралиста и національно-политическія ихъ послѣдствія. Не касаясь религіозно-философской стороны вопроса, замѣтимъ, что отрицательное отношеніе Адольфа Ивановича ко взглядамъ Л. Н. Толстого усугублялось опасеніемъ, что проповѣдь „непротивленія злу“ можетъ вызвать въ порабощенныхъ западныхъ и южныхъ славянахъ упадокъ энергіи и безусловную покорность судьбѣ. Главная мысль сочиненія та, что славянамъ необходимо стремиться къ лучшему будущему, анархическія же теоріи

Л. Н. Толстого опровергають необходимость объединенія отдѣльных славянскихъ народностей для достиженія своего идеала.

„Нѣмцы и другіе западники,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—восхищаются, комментируютъ и превозносятъ гр. Л. Н. Толстого по извѣстнымъ причинамъ, но и тѣмъ у нихъ все кончается... Зато ученіе Толстого съ разрушительной силой распространяется среди славянъ, въ первомъ же ряду среди словаковъ. Этотъ бѣдный народъ, страдающій столь много отъ мадьяръ и находящійся сегодня въ отчаянномъ положеніи, нуждается въ сильныхъ и мужественныхъ ратникахъ за народное дѣло, чтобы сохранить свой элементъ отъ гибели. Но ряды борцовъ между молодымъ поколѣніемъ уменьшаются и можетъ вскорѣ придти къ тому, что славно начатое дѣло Коллара, Штура и Гурбана для возвышенія словацкаго народа не найдетъ себѣ достойныхъ послѣдователей и защитниковъ“. (Кн. I, стр. 7).

Вообще отмѣтимъ, что среди зарубежныхъ славянъ было распространено мнѣніе, что Л. Н. Толстой является противникомъ славянской идеи. Къ тому же и самъ писатель никогда не высказывалъ своихъ симпатій специально къ славянскому дѣлу. Когда, послѣ введенія въ Россіи народнаго представительства, въ русскомъ обществѣ ожилъ интересъ къ славянскому вопросу, московское общество „Славія“ отправило Л. Н. Толстому письмо слѣдующаго содержанія:

Москва, 23 іюня/6 Іюля 1909 г.

Дорогой Учитель

Левъ Николаевичъ!

Всеславянское общество „Славія“ чествовало память дня сожженія великаго чешскаго реформатора Яна Гуса. Былъ разведенъ костеръ, около котораго представители славянскихъ народностей говорили рѣчи. Тутъ же вспомнили другого великаго славянина-реформатора, Льва Николаевича Толстого, и было рѣшено отправить, въ знакъ глубокаго уваженія ко всей жизни и дѣятельности великаго писателя Земли Русской, картину съ изображеніемъ сожженія Яна Гуса.

Всеславянское общество „Славія“ въ Москвѣ, ставящее своей задачей распространеніе среди славянства идей свободы, равенства и братства съ особенной гордостью сознаетъ, что въ нашъ вѣкъ національнаго шовинизма и религіозной нетерпимости живетъ и работаетъ геніальный мыслитель и художникъ слова, который неустанно провоз-

глашаетъ идеи національной солидарности (основанной на общечеловѣческихъ началахъ) и принципъ единого христіанства. Эти идеи особенно должны быть дороги славянству, которое погибало отъ того, что подчеркивало не то, что объединяетъ духовно людей, а, наоборотъ, то, что ихъ разъединяетъ. Раньше всегда говорили: „я православный“, „я католикъ“, „я протестантъ“, а также: „я русскій“, „я чехъ“, „я полякъ“, „я болгаринъ“, „я сербо-хорватъ“ и т. д.

Общество же „Славія“ говоритъ: „я христіанинъ“, „я славянинъ“, „всѣ люди должны быть братьями не только по крови, но и по духу“.

Или какъ прекрасно выразился чешскій поэтъ Янъ Колларъ:

„И пусть на зовъ твой „славянинъ“,
отвѣтитъ эхо „человѣкъ“.

Общество надѣется, что Вы осчастливите его принятіемъ его скромнаго дара.

Предсѣдатель: Чехъ С. Кѳничекъ.

Секретарь: Русскій Ө. Аристовъ.

На это письмо былъ полученъ отъ Л. Н. Толстого слѣдующій знаменательный отвѣтъ:

Ясная Поляна, 8 Іюля 1909 г.

Дорогіе братья.

Письмо ваше глубоко тронуло меня. Всей душой желалъ бы быть хоть въ самой малой долѣ тѣмъ, чѣмъ вы меня признаете.

Не могу не вѣрить въ исключительное значеніе славянства для объединенія не только христіанъ, но и всѣхъ людей, какъ прекрасно выражена эта мысль у Коллара. Благодарю за подарокъ.

Левъ Толстой.

Въ 1910 году Л. Н. Толстой имѣлъ новый случай высказаться по славянскому вопросу: подготовительный комитетъ по устройству славянскаго съѣзда въ Софіи послалъ ему приглашеніе. На это приглашеніе великій писатель Земли Русской отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ, высказавъ сожалѣніе, что по нездоровью и преклонному возрасту не можетъ лично принять участія въ работахъ съѣзда, въ

заключеніе писалъ: „моя вѣра въ то, что та основа всеобщаго религіознаго единенія, которая одна можетъ, все болѣе и болѣе соединяя людей, вести ихъ къ свойственному имъ благу, что эта основа будетъ принята прежде всѣхъ другихъ народовъ христіанскаго міра народами именно славянскаго племени“.

Изъ приведенныхъ писемъ ясно видно, какъ сочувственно относился къ славянскому дѣлу Л. Н. Толстой, который является не только великимъ писателемъ Земли Русской, но и гениальнымъ сыномъ славянства, вѣрящимъ въ его „исключительное значеніе“.

Мрачныя предположенія А. И. Добрянскаго-Сачурова такимъ образомъ сами собой отпадаютъ, но они характерны тѣмъ, что выражали взгляды не одного Адольфа Ивановича, а многихъ просвѣщенныхъ зарубужныхъ славянъ, не раздѣлявшихъ философскихъ взглядовъ Л. Н. Толстого, но всегда преклонявшихся передъ нимъ, какъ величайшимъ художникомъ слова.

Въ 1898 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ напечаталъ въ „Галичанинѣ“ свое сочиненіе „Куда мы дошли? Разсужденіе стараго австрійскаго патріота о нынѣшнемъ положеніи въ Австріи“, которое затѣмъ появилось въ видѣ отдѣльнаго оттиска (Львовъ, 1898 г., стр. 95). Въ этомъ сочиненіи авторъ задается вопросомъ: къ чему привела Австрію современная конституція, и много ли потеряло бы австро-угорское государство, если бы конституція была отменена. Доказывая основную мысль своей статьи,—что конституція не принесла никакой пользы,—Адольфъ Ивановичъ подробно разбираетъ тяжелое положеніе покоренныхъ народовъ Англіи, которая хотя и является родоначальницей конституціонной свободы, но въ то же время никогда не гнушалась угнетать побѣжденных національностей и тѣмъ самымъ сдѣлала въ ихъ представленіи конституціонную свободу горькой ироніей.

„Пресловутая сія конституція,—говоритъ Адольфъ Ивановичъ,—позволяла Вел. Британіи, безъ формальнаго нарушенія законовъ, посредствомъ искусственной маіоризаціи въ законодательныхъ собраніяхъ; препятствовать развитію побѣжденного населенія британскихъ острововъ, безпощадно эксплуатовать и даже истреблять побѣжденное населеніе, чтобы гордымъ представителямъ побѣдителей жило пышно и роскошно. Но сей успѣхъ, не прекратившій, а раздувшій самомиѣніе представителей англо-сакскаго племени, сдѣлался для Великой Британіи роковымъ, ибо поощрялъ ее воспользоваться рано достигнутымъ

преобладаніемъ по морямъ къ непрерывнымъ захватамъ и къ беспощадной эксплуатаціи всего захваченнаго, постепенно даже всего міра настолько, что еще и Китайская имперія была войной принуждена допустить въ свои области ввозъ опиума, отравляющаго ся население“ (стр. 21—22).

Далѣе авторъ говоритъ о другихъ государствахъ, пользующихся конституціей по образцу англійской, и поэтому, по его мнѣнію, терпящихъ разнаго рода невзгоды, начиная отъ неудачныхъ войнъ и кончая хищеніями чиновниковъ. Переходя къ Австро-Угріи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ съ грустью замѣчаетъ: „Немудрено, если и въ нашей Австро-Угорской монархіи чувствуются горькіе плоды введенной 30 лѣтъ тому назадъ англійской конституціи тѣмъ болѣе, что составныя ея части соединены, не какъ въ другихъ государствахъ племеннымъ сродствомъ или общею всеѣмъ исторіей, а исключительно царствующею габсбургско-логарингскою династіей, представитель которой, императоръ, лишень конституціею непосредственнаго вліянія на ея судьбы“ (стр. 30—31). Подробно разбирая тяжелое положеніе каждаго народа австро-угорской монархіи, доказывая бесполезность требованія признанія за отдѣльными областями „историческихъ правъ“ и защищая автономію народностей въ этнографическихъ границахъ,—А. И. Добрянскій-Сачуровъ, наконецъ, ставитъ ребромъ вопросъ: что нужно сдѣлать для спасенія Австріи отъ неминуемаго распада? Для этого, по мнѣнію автора, необходимо произвести государственный переворотъ съ цѣлью отмѣны конституціи и восстановленія абсолютизма, тѣмъ болѣе, что въ австро-угорской монархіи уже были такіе перевороты.

„Не только въ 1848 году,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—въ котóромъ прекратилась юрисдикція и другія преимущества дворянства, былъ государственный переворотъ, но онъ былъ также послѣ 1867 года, такъ какъ введеніе дуализма и англійской конституціи, раздувшей ожесточенную борьбу всеѣхъ со всеѣми до чудовищныхъ размѣровъ, были также государственнымъ переворотомъ. Неужели намъ, испытавшимъ уже до сыта, до отвала пагубныя послѣдствія сей конституціи, не радоваться ея устраненію и не способствовать ему? Неужели намъ ждать безцѣльно до поры, когда гнетъ парламентарнаго правленія принудитъ болѣе терпѣливую часть деморализованнаго населенія къ выселенію за океанъ; а менѣе терпѣливую—къ бунтамъ, какъ это случилось уже среди широкихъ мазурскихъ и мадьярскихъ массъ? Неужели ждать до поры, когда въ концѣ-концовъ наша монархія распадется на составныя части?“ (стр. 84—85).

Авторъ тѣмъ болѣе защищаетъ необходимость возстановленія абсолютизма, что Галицкой Руси жилось до введенія конституціи привольнѣе, такъ какъ тогда русское населеніе получало права непосредственно отъ императора, а съ 1867 года было отдано на произволь парламентскаго большинства въ Вѣнѣ и польскаго сейма во Львовѣ. Въ своемъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ далъ дѣльную критику темныхъ сторонъ австрійской государственной жизни и указалъ на выходъ изъ этого положенія. Какъ лойяльный австрійскій гражданинъ, авторъ взглянулъ на вопросъ съ чисто консервативной точки зрѣнія и пришелъ къ выводу о необходимости возстановленія абсолютной власти императора.

А. И. Добрянскій-Сачуровъ, будучи глубоко вѣрующимъ православленнымъ христіаниномъ, не могъ равнодушно относиться къ нападкамъ на православную церковь и ея главную опору—Россію. Защитѣ православія были уже посвящены его сочиненія: „Календарный вопросъ“ и „Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого“.

Стоя за участіе въ дѣлахъ Церкви, также и мірянъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ не находитъ ничего противнаго канонамъ въ существованіи должности оберъ-прокурора (стр. 12). Отвѣчая же на раздающіяся въ печати обвиненія русскаго духовенства, Адольфъ Ивановичъ указываетъ на усиленіе у насъ католической и протестантской пропаганды, доказательствомъ чего можетъ служить западное происхожденіе штунды и нѣкоторыхъ другихъ распространяющихся въ Россіи сектъ, и особенно подчеркиваетъ возможность распространенія въ Россіи того безразличнаго отношенія къ религіи, которое давно уже извѣстно въ Западной Европѣ подъ названіемъ „безконфиссійности“ или вѣтвѣроисповѣдности.

Въ 1901 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ (за подписью Андинъ напечаталъ по-нѣмецки и по-русски въ журналѣ „Славянскій Вѣкъ“ (Вѣна, 1901 г., №№ 14 и 15) свою статью „Гдѣ выходъ“? („Wo hinaus“?); она является, послѣднимъ, появившимся при жизни автора, сочиненіемъ и кратко излагаетъ тѣ взгляды Адольфа Ивановича на національный вопросъ, которые онъ такъ подробно развилъ и обосновалъ въ цѣломъ рядѣ предыдущихъ литературныхъ трудовъ.

По своему содержанію статья распадается на двѣ части: въ первой изъ нихъ („Славянскій Вѣкъ“, № 14) авторъ доказываетъ необходимость замѣны автономіи историческихъ областей автономіей народностей, а во второй (№ 16, того же журнала)—перечисляетъ недостатки австрійской конституціи и предлагаетъ мѣры къ ихъ устраненію.

Въ первой части статьи А. И. Добрянскій-Сачуровъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что „всѣ австрійскія народности добиваются обезпеченія и развитія не только ихъ языковъ, но также ихъ національности вообще. Онѣ, слѣдовательно, добиваются возможности имѣть безпрепятственное вліяніе на свои духовныя и матеріальныя интересы, коротко, на всѣ тѣ предметы, которые, при явномъ нарушеніи ихъ правъ, подлежатъ компетенціи смѣшанныхъ въ настоящее время сеймовъ.

„И это понятное стремленіе народностей,—говоритъ авторъ, вполне обосновано въ австрійскомъ основномъ государственномъ законѣ, ибо XIX его статья гарантируетъ каждой (само собою понятно, живущей сплошными массами и насчитывающей милліоны) народности ненарушимое право на сохраненіе и на развитіе своей національности и своего языка. Этотъ важный основной государственный законъ, дословно перешедшій въ австрійскую конституцію изъ хорошо обдуманной отмѣнными государственнымъ мужами, такъ называемой, Кремерижской конституціи,—былъ бы способенъ не только удовлетворить всѣ народности, но также держать въ сторонѣ отъ рейхсрата опасныя національныя распри. Австрія, такимъ образомъ, могла бы согласно ея историческому призванію, посвятить себя заботамъ о благоденствіи своихъ какъ малыхъ, такъ и частей большихъ народовъ и безпрепятственно развивать свое могущество, тѣмъ болѣе, что она была свободна отъ заботъ передъ общими революціями, имѣющими обыкновенно мѣсто лишь въ національно-однородныхъ государствахъ“.

„На дѣлѣ, однако, вышло, къ сожалѣнію, совсѣмъ другое. И это потому, что упомянутый важный основной государственный законъ, который принципиально предоставляетъ всѣмъ безъ изъятія народностямъ важныя права, признавая ихъ, такимъ образомъ, юридическими лицами,—молчитъ относительно автономныхъ органовъ, которые, въ качествѣ представителей народностей, были бы призваны осуществлять ихъ права. Предполагалось, очевидно, изданіе дополнительнаго къ нему примѣнительнаго закона, который, благодаря стремленію къ исключительному положенію на историческомъ основаніи со стороны властвующихъ въ нѣкоторыхъ національно-смѣшанныхъ сеймахъ элементовъ, не былъ до сихъ поръ осуществленъ. Недостатокъ примѣнительнаго только закона былъ причиною тому, что важный основной государственный законъ остался мертвою буквою. Этому же обстоятельству слѣдуетъ приписать, что высиженныя и тщательно взлелѣанныя въ національно-смѣшанныхъ

сеймахъ злополучныя національныя распри обострились до такой степени, что дѣлають невозможною плодотворную дѣятельность даже рейхсрата, что угрожаетъ серіозною опасностію и безъ того уже пошатнутому дуализмомъ могуществу австро-венгерской монархіи“.

„Я поэтому и теперь еще считаю осуществленіе и безъ того принципиально гарантированной основнымъ государственнымъ закономъ національной автономіи *единственнымъ непогрѣшимымъ средствомъ*, которое можетъ привести къ основательному оздоровленію запутаннаго положенія вещей во всѣхъ отношеніяхъ и которое, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, могло бы быть приложено путемъ императорскаго рескрипта“.

Далѣе Адольфъ Ивановичъ говоритъ: замѣна противоестественной автономіи, такъ называемыхъ историческихъ странъ, въ которыхъ взаимно отгалкивающіеся элементы насильно принуждаются къ совмѣстнымъ совѣщаніямъ въ общихъ сеймахъ—естественною автономіею національностей, составляющею, какъ это непреложно доказываетъ группировка его представителей въ палатѣ депутатовъ рейхсрата, общее желаніе населенія,—сдѣлала бы возможнымъ вполне разрѣшить историческую задачу Австріи, заключающуюся въ одинакомъ культивированіи всѣхъ народностей“.

Во второй части своей статьи Адольфъ Ивановичъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ недостатки австрійской конституціи: „Австро-венгерскія автономныя учрежденія состоятъ вообще изъ слишкомъ большого числа членовъ. Это съ одной стороны затрудняетъ, а подчасъ дѣлаеть совершенно невозможнымъ управленіе, а съ другой мѣшаетъ,—благодаря желанію многихъ *блистать своимъ ораторскимъ талантомъ* безъ нужды,—совѣщаніямъ и воспитываетъ для общества *профессіональных парламентарцевъ* и прочихъ карьеристовъ. Кромѣ того, оно поощряетъ къ шатанію всего существующаго и сильно обременяетъ налогоплательщиковъ. Особенное зло представляютъ собою далѣе вѣчныя выборы, не дающіе населенію успокоиться, отрывающіе его часто на цѣлыя недѣли отъ обычныхъ занятій, приводящіе притомъ къ пьянству, подкупамъ, запугиваніямъ, словомъ,—деморализующіе всячески населеніе и воспитывающіе, для полнаго торжества распространяемой безнравственности, опасныхъ для общества *выборныхъ агентовъ*“.

Таково содержаніе, небольшой, но интересной своими выводами, статьи „Гдѣ выходъ“?

Съ осени 1900 года Адольфъ Ивановичъ сталъ замѣчать большой упадокъ силъ и послѣ продолжавшейся около полугода болѣзни тихо скончался утромъ 6/19 марта 1901 года.

9/22 марта тѣло Адольфа Ивановича было отправлено для погребенія въ Чертежное; на вокзалъ бранные останки угро-русскаго вождя провожали, кромѣ его вдовы, также славянскіе студенты Иннсбрукскаго университета.

12/25 марта, въ часъ пополудни, тѣло прибыло на ближайшую къ Чертежному желѣзно-дорожную станцію—Межилаборцы, гдѣ было встрѣчено духовенствомъ и народомъ. Гробъ поставили на запряженную четырьмя лошадьми крестьянскую повозку, и за нимъ до самаго Чертежнаго (около 7 верстъ) шла толпа окрестнаго угро-русскаго населенія, а также прїѣзжіе: изъ Галицкой Руси—прис. повѣр. Вл. Ө. Дудыкевичъ (гор. Коломыя), и изъ Буковиню (гор. Черновцы) студенты И. Ю. Цуркановичъ и болгаринъ Цанковъ. Населеніе сель, черезъ которыя слѣдовало печальное шествіе, встрѣчало великаго покойника колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ. Особенно торжественно гробъ встрѣтили жители Чертежнаго, которые трижды преклонили кресты и хоругви передъ прахомъ своего покровителя и вождя.

По прибытіи въ Чертежное, гробъ Адольфа Ивановича былъ поставленъ въ убранномъ въ глубокой трауръ залѣ его дома, гдѣ крестьяне всю ночь читали молитвы. Ночью прибыли съ вѣнками представители русскихъ обществъ Галичины.

На другой день (13 (26) марта) 12 русскихъ священниковъ изъ Угрии и Галичины совершили обрядъ отпѣванія. Межилаборскій священникъ о. Вл. Ройковичъ въ своемъ словѣ указалъ на огромныя заслуги покойнаго и на его вѣрность восточному обряду, который онъ защищалъ отъ всякихъ посягательствъ.

Затѣмъ шествіе двинулось на кладбище, гдѣ первымъ говорилъ присяжный повѣренный Вл. Ө. Дудыкевичъ.—„Надъ твоей могилой, великій покойникъ“,—сказалъ онъ,—„мы клянемся, что всегда останемся вѣрными твоимъ завѣтамъ и пойдемъ по пути, который ты намъ указалъ“. Далѣе говорили студенты И. Ю. Цуркановичъ—отъ имени карпато-русской молодежи и болгаринъ Цанковъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ надъ могилою А. И. Добрянскаго-Сачурова была положена бѣлая мраморная плита съ вырѣзаннымъ на ней осмиконечнымъ крестомъ и соответствующей надписью.

Ө. Ө. Аристовъ.

